

Колдовские

Миры

РИДЖИЙСКИЙ ГАМБИТ ДИФФЕРЕНЦИРОВАТЬ ТЬМУ

ЕВГЕНИЯ САФОНОВА

Шахматный гений, хакер, опытный геймер, ботан и очкарик, – это Снежка. Колючая и серьёзная, недоверчивая и мстительная, без иллюзий и сантиментов. Вот такая... И вдруг – попадает в сказку. Правда, не совсем весёлую: там вместо любви прекрасного принца – участь куклы колдуна, вместо магического дара – рабский ошейник. А ещё мир на грани войны, жестокие Тёмные и совсем не светлые Светлые.

Снежка решается вступить в игру, где ставка – свобода и жизнь. Но помогут ли способности и немного удачи обыграть того, кто стал её тюремщиком, того, кого впервые в жизни она готова назвать достойным противником? Ведь когда всё вокруг оборачивается не тем, чем кажется, это круто меняет правила. Так же, как и чувство к игроку по другую сторону доски...

Евгения Сафонова

Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму

*Большое спасибо тем, без кого этой книги не было бы:
моим замечательным родителям, моему чудесному мужу,
читателям, поддерживавшим меня в процессе написания,
Ришику, моему мудрому сэнсэю,
Эльвире Плотниковой – за то, что роман нашел путь в печать,
Елене Самойловой – за чуткость и понимание,
Татьяне Богатыревой – за все хорошее.*

*Посвящается потрясающей команде «Альянс»
и Джонатану Бергу – в особенности.
И специальная благодарность Келли Онг
за великодушную помощь в переговорах,
раз уж у меня не было возможности
использовать совиную почту для связи напрямую.*

*To the amazing team «Alliance» —
s4, Akke, EGM, Loda, Admiral Bulldog —
and Jonathan Berg especially.
And special thanks to Kelly Ong:
for your generous help in negotiations,
since I haven't got an opportunity
to use owl post for a direct connection.*

ДИФФЕРЕНЦИРОВАТЬ – отличить один из элементов некой группы от прочих (книжн.); отличить все элементы некой группы друг от друга (книжн.); изменяя нечто однородное, разделить его на ряд различных элементов (книжн.); вычислить дифференциал (матем.).

Перефразируя словари

Ты когда-нибудь чувствовал, что тебе не хватает того, кого ты никогда не встречал?

Ричард Бах «Мост через вечность»

Выходя тем вечером из универа, я думала, что очередной заурядный сессионный день приближается к своему заурядному концу.

И, конечно, даже предположить не могла, что в центре Москвы можно утонуть.
Как выяснилось полчаса позже, я ошибалась.

– Даже не верится, что мы сдали матан, – выдохнул Сашка, когда мы покинули бежевый замок главного здания. – Ох, ну и чушь я там понаписал! Как отправят на пересдачу...

– Да брось! Ты же у меня списывал. – Я ободряюще хлопнула друга по плечу. – Значит, всё путём.

– Один английский остался. – Светка вышагивала рядом, цокая шпильками и сосредоточенно тыкая пальчиками в экран смартфона. Наверняка меняет статус в одной из соцсетей на что-нибудь в духе «сдала матан, ура-ура». – И здравствуй, третий курс!

Хорошо летом. Только жарко. Хотя стрелки часов уже перевалили за шесть, жара даже не думала спадать, а солнце всюду скатывалось лучами с оконных стёкол и нагревало асфальт, сочившийся прозрачным маревом. Так что, покидая универ, наша дружная компания студентов пока ещё второго курса ВМК^[1] МГУ мечтала только об одном: большая бутылка ледяной минералки. Каждому. Ну, или пива – кому что. После экзамена мы успели заглянуть в профессорскую столовую в главном здании, но там и минералка осталась только тёплая, и спиртного, естественно, не продавали. А повод выпить был, ведь большинство однокурсников явно не видело особой разницы между экзаменом по математическому анализу и допросом в застенках инквизиции.

– Надо отметить, – нагнав нас, промурлыкала Машка Суслова. Кокетливо повела плечами. – Может, зайдём куда?

– Не, я домой, – решительно отказался Саша. – Вот после последнего и отметим, – и с широкой улыбкой обнял меня за талию. – Да, Снежик?

Машка проследила за его рукой.

Потом подняла на меня ненавидящий взгляд.

Я её понимала. Сама до сих пор украдкой люблюсь, как ветер играет с Сашкиными кудрями, а ведь с первого класса школы знакомы. Кудри у него длинные, цвета оникса, и ресницы – пушистые, и глаза – васильковой синевы, и тонкие брови вразлёт; и сам он стройный и высокий, под два метра ростом. Некоторые парни бросались язвительным «дистрофик», но Сашка просто тонкий, звонкий, прозрачный. Прекрасный Принц нашего курса.

И кого он выбрал в качестве своей девушки? Нет, не Первую Красавицу Светку с её шикарной пепельной шевелюрой и ногами от ушей. И даже не её подругу, Класную Девчонку Машку – с длинной рыжей косой и зелёными ведьминскими глазищами.

Нет, он выбрал Унылую Всезнайку Снежку. Маленького, невзрачного, прыщавого, сутулого очкарика с жидкими волосёшками.

Да, к слову, это я.

– А я бы чего-нибудь выпила, – сунув мобильник в сумку, Света ловко подхватила Машку под ручку. – Составишь мне компанию?

– Ладно. – Однокурсница расплылась в приторной улыбке. – Смотри, Сашка, послезавтра от нас не отвяжешься!

– Конечно-конечно, – заверил тот.

Мы проследили, как неразлучная парочка платниц модельной походкой уплывает вдаль на поиски кафешки.

И одновременно фыркнули.

– Никак не отстанет, – посетовал Сашка, незамедлительно отпуская мою талию. – И почему некоторых даже наличие девушки не останавливает?

– Скорее раззадоривает, – грустно вздохнула я, вместе с ним двинувшись по

направлению к набережной. – А ведь говорила тебе, что это плохая идея.

– Но попробовать-то стоило, – пожал плечами друг.

Спускаясь к реке, глядя на машины, перегревающиеся в привычной шестичасовой пробке – в честь минувшего экзамена и хорошей погоды мы решили прогуляться, а не чесать прямиком к метро, – я думала о том, что чудес не бывает. Серые мышки не превращаются в принцесс, а принцам не нужны Золушки.

Нет, я не была Сашиной девушкой. Единственной его любовью был компьютер, единственной страстью – игры, а единственной мечтой – изобрести человекоподобный искусственный интеллект. На пару со мной, потому что я – его лучший друг с первого класса физматлицея, куда нас отдали мамы.

Я всегда была милым ребёнком. Смешная девчонка с двумя косичками цвета горького шоколада, ножками-спичками и носиком-пуговкой. Но в тринадцать лоб осыпали прыщи, заставив отстричь чёлку до бровей, нос вдруг вымахал на пол-лица, а волосы пожирнели и полезли клоками. Зрение, ушедшее в минус шесть, вынудило нацепить очки, потому что на линзы глаза отвечали стойкой аллергической реакцией... В общем, если девочка из меня была хорошенькая, то девушка вышла тем ещё Квазимодо. Чего не скажешь о Сашке – девчонки с пятого класса заваливали его любовными записками, а с восьмого и вовсе прохода не давали.

В конце концов друг устал отшивать по воздыхательнице в день, а потом грызться совестью, ибо в ответ на Сашкины отповеди нежные девы бились в истерике и через одну грозились покончить с собой. И тогда ему пришла в голову гениальная идея: а что, если я притворюсь его девушкой? Остальные сразу успокоятся, что принц занят, и всё, можно спокойно готовиться к поступлению в МГУ!

Сказано – сделано. И кто-то действительно успокоился, а кто-то ставил мне подножки и лепил со спины жвачки в волосы, о чём потом крупно жалел... но к Сашке уже так нагло не лезли. С моей помощью он действительно подготовился к поступлению на ВМК, и мы оба оказались в числе бюджетников.

На первом курсе универа история с воздыхательницами начала повторяться, и Сашка решил воспользоваться проверенным способом. Только вот пыл Машки Сусловой, положившей на него глаз ещё на вступительных, это не охладило. Она засыпала Сашку сообщениями в социальных сетях, щеголяла призывными декольте и не уставала делать прозрачные намёки на то, что всё равно своего добьётся. Не помогало ни наличие меня, ни холодные ответы Сашки, из которых недвусмысленно следовало, что Машка ему нужна, как квадратному уравнению четвёртый коэффициент. Уже два года однокурсница сверлила меня взглядом, при большей материальности способным сделать лоботомию, и продолжала играть в сталкера; и не в того, который у Стругацких, а в того, которого с английского переводят как «упорный преследователь».

А я улыбалась, притворялась и терпела. Помогала Сашке готовиться к экзаменам, давала ему списывать. Любила те же фильмы, что и он, слушала ту же музыку, смеялась над теми же глупостями.

И знала: у меня никогда не хватит духу сказать ему, что для меня он давно уже не просто друг...

– Ладно, Снежик, я за новой видухой, – объявил Сашка, когда мы уже вышагивали мимо серых вод Москвы-реки.

– А старая чем не устраивает?

– На той неделе выходят третьи «Лефт ин спейс»^[2]. Обещают улётную графику, боюсь, старая не потянет.

– Опять ужастики, – я поморщилась, – лучше б в стратегию какую со мной поиграл! Надоело с компом сражаться.

– Да у тебя разве выиграешь? Нет уж, уволь, – хмыкнул Сашка. – Что делать будешь?

– Пожалуй, по набережной прогуляюсь. Погода хорошая.

– Ладно, тогда вечером спишемся, а завтра приезжаю к тебе. Готовиться к последнему бою... Часов в одиннадцать уже проснёшься?

– А ты?

– Придётся. – Сашка чмокнул меня в щёку. – До завтра!

Я долго провожала взглядом его долговязую фигуру, удаляющуюся по направлению к метро. Потом, не обращая внимания на удивлённых прохожих, села на гранитный парапет, обрамлявший реку. Обняла руками колени, уставилась на позолоченную солнцем воду. Сейчас она почти не казалась мутной – и даже не вызывала ужасающих мыслей о её химическом составе.

Наверное, со стороны я выглядела странной... но я *была* странной. И в этом одна из причин того, что сейчас я сижу здесь, а не иду в обнимку с Сашкой отмечать успешно сданный экзамен. Только вот, к сожалению, измениться я не могу.

Да и не хочу, если честно.

Тьфу. Надо что-то делать. Нельзя же всю жизнь ходить безответно влюблённой! В конце концов, любовь – просто сочетание определённых гормонов. Я считаю себя в силах создать искусственный интеллект, но не могу справиться с собственным организмом?..

– Поссорились, что ли? – проворковал сладкий голосок за моей спиной.

– Нет, позагорать решила, – не оборачиваясь, скушаяще откликнулась я. – Что ж вы со Светкой до кафе не дошли? Заблудились в трёх домах?

– Дело есть. – Серьёзность в голосе Машки всё-таки заставила меня повернуть голову. – Снежка, надо поговорить.

– Да? – Я в замешательстве поправила очки. – И о чём же?

Однокурсница склонила рыжеволосую голову.

– Отпусти Сашу, – с неожиданной решимостью произнесла она. – Ты ведь его не любишь, я вижу! А он страдает!

От удивления я чуть не свалилась в реку.

– Это ты ещё с чего взяла?

– Ваши отношения... они... нифига не такие! Не такие, какие должны быть! Ты не можешь дать Сашке то, чего он заслуживает! – в её голосе прорвались истеричные визжащие нотки. – Я прям вижу, как у тебя в голове постоянно циферки щёлкают! Ты как робот, тебе б только книги, учёба и комп, а Сашка... – тираду прервало восторженное придыхание, – он романтик, только из-за тебя это не показывает!

Моя ответная усмешка была окрашена горечью.

Как любят люди судить о том, о чём ни черта не знают...

– Вот как. – Я отвернулась. – Сусликова, иди, куда шла. Этот разговор контрпродуктивен.

Мне её фамилия всегда казалась смешной. И да, я с первого же курса искажала её в «Сусликову». По-моему, это куда точнее отражало суть владелицы.

И Машка, конечно же, кличку возненавидела.

– Дура я была, – неожиданно вырвалось у однокурсницы. – Думала, до тебя дойдёт. Но

ты ж нас презираешь, так, Белоснежка? Презираешь простых смертных. Всех, кто не так гениален, как ты.

Казалось, я могла слышать, как бурлят её мысли, доведённые до точки кипения.

– Зачем сразу так? – равнодушно ответила я. – Не всех. Только тех глухих тугодумных индивидуумов, которые в данный момент мешают мне наслаждаться видом закатной реки.

Наверное, в этот момент в глазах у Машки помутилось от гнева.

Наверное, в этот момент все извилины в её мозгу распрямились от ненависти.

Наверное, в этот момент она шагнула ближе ко мне, и я ещё могла оглянуться, увернуться...

Но всё это я сообразила лишь тогда, когда от резкого толчка потеряла равновесие – и судорожно вцепилась в толкнувшие меня руки, балансируя на краю.

Поздно.

Несколько секунд, в течение которых я, свалившись с гранитного парапета, летела в реку, растянулись в бесконечность; а потом вода залилась в глаза, в нос, в уши, в изумлённо открытый рот. Я лихорадочно взмахнула руками, пытаюсь разглядеть сквозь тёмную муть просвет поверхности, закашлялась – и хлебнула ещё.

Не думаю, что Машка всерьёз намеревалась меня убить. Наверное, просто хотела сделать... что-нибудь. Что-нибудь гадкое. И сделала это – прежде, чем подумать.

Но это было не важно.

А важно было то, что я не умела плавать.

Боль сдавила грудь железными обручами, в глаза прыгнули странные зелёные пятна – и всё исчезло.

Первое, что я помню после того, как в моих глазах померк свет, – поцелуй.

Поцелуй, вместе с которым кто-то отчаянно пытался вдохнуть в мои лёгкие воздух.

Но, впрочем, можно было обойтись и без этого – ведь сам факт поцелуя изумил меня настолько, что я немедленно открыла глаза и резко села, едва не расшибив своему спасителю нос; жадно вдохнула, судорожно закашлялась, и вода хлынула у меня изо рта.

– Что... кто... – отплевавшись, прохрипела я, лихорадочно моргая. Очки куда-то делись, так что лицо спасителя, поспешившего отпрянуть, виделось сквозь пелену близорукости.

Я отчаянно сощурилась. Когда это не помогло, вскинула руки, натянула веки, сделав себе «китайские глазки», – и мир наконец обрёл чёткость, позволив мне с удивлением рассмотреть человека, сидевшего передо мной. В длинных, насквозь мокрых серых одеждах, походящих на мантию.

Потом, с ещё большим удивлением – того, кто стоял рядом: с кожей цвета серого пепла, с волосами цвета снега, с глазами цвета солнца.

Я уже видела таких, как он. На картинках. Или в играх.

Их называли тёмными эльфами, или дроу.

...а потом я огляделась вокруг.

И вместо гранитной набережной Москвы-реки, залитой закатным солнцем, увидела тёмный сад. Спокойный пруд с чёрными мраморными бортиками, обильно разросшиеся розовые кусты с серыми мёртвыми листьями – и бледные розы, светившиеся в окружающей их ночи мягким призрачным сиянием.

Что за чёрт?!

Может, я всё-таки утонула? А это – загробный мир? Хотя для рая как-то мрачновато, а

для ада чересчур готично... разве что в качестве кары за неверие меня отправили в лимб, а тот со времён Данте сильно изменился.

Я вновь обернулась к тем, кто, видимо, вытащил меня из воды. Детали близорукость разглядеть не позволяла – даже с «китайскими глазками», – но я угадывала на лицах обоих то же удивление, что лишило меня дара речи.

– Где я? – Слова вышли хриплыми, как кашель простуженного ворона, горло горело огнём. – Как я сюда попала?

Мои слова вызвали у парочки странную реакцию. Ничего не ответив, они многозначительно переглянулись.

– *Ех сагли фьер*, – ровно сказал тот, кто сидел рядом со мной. Черты его лица терялись в темноте, и я видела лишь мокрые русые волосы, облепившие овал белокожего лица. – *Хун мар фра хёдрум хейми*^[3].

– *Ех скилди*, – отчего-то мрачно ответил дроу. С изящной небрежностью махнул рукой в мою сторону. – *Саз скерра нимюр*^[4].

Первый вздохнул, а я только моргнула. Это что ещё за язык?..

Времени на размышления мне не дали. Человек в мантии вскинул руку – и темнота, из которой я с боем вырвалась менее минуты назад, ласково приняла меня обратно в свои объятия.

Только на этот раз было совсем не больно.

Глава 1

Закрытый дебют^[5]

Проснулась я от страшного грохота – и, ещё не открыв глаз, поняла, что мне жутко холодно. Немудрено: в мокрой одежде на каменном полу не очень-то удобно.

Минутку... на каменном полу?..

Я рывком села и сощурилась, без очков ощущая себя беспомощной, словно улитка без раковины.

Это была крохотная пещерка, вырубленная в тёмном сыром камне. Выход преграждала железная решётка, на пол даже соломы бросить не удосужились. По ту сторону ржавых прутьев на стене плевались искрами три факела. Впрочем, света они давали вполне прилично.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, – я в темнице.

Разбудивший меня грохот производила моя сокамерница. Сквозь дымку близорукости я видела лишь то, что это длинноволосая блондинка в голубом платье. Похоже, моя ровесница. Она отчаянно колотила по решётке руками, ногами и невесть откуда взятым серебряным кувшином: должно быть, в нём нам оставили воду.

– *Лаута мих!* – вопила блондинка тоненьким голоском. – *Фу мунт съял эфтир сви!*^[6]

Стуча зубами, я обняла себя руками в судорожной попытке согреться. Кто-то заботливо закутал меня в шпуку, напоминавшую длинный драповый халат, но учитывая, что мокрые джинсы и футболку снять не удосужились, это не особо спасало. Хм, а это случайно не та мантия, в которой был колдун?..

А потом я поняла, что ощущаю на шее нечто чужеродное.

И, вскинув руки, обнаружила, что на меня нацепили тонкий металлический ошейник.

Что ж, попробуем перебрать все возможные варианты происходящего. Судя по реалистичности ощущений, я не сплю. Ни на рай, ни на ад всё это дело не похоже. Достоевский, конечно, писал про некую комнатку с пауками, а крохотная каменная пещерка является вполне достойной альтернативой... но вряд ли бы к ней прилагались дроу, колдуны и белокурые девицы, подозрительно смахивающие на эльфиек.

Может, всё это бред моего воспалённого сознания, и на самом деле я сейчас лежу в реанимации, пока врачи борются за мою жизнь? И холодно мне потому, что в реальности холодно моему почти бездыханному телу? По-моему, достойная версия. Стоит запомнить.

А ещё всё это сильно походило на сюжеты глупых романов, которыми зачитывались все девчонки из моего окружения сначала в школе, а потом и в универе. Про так называемых «попаданок». Где идёт себе по улице Самая Обыкновенная Девушка, а потом – хоп! – и оказывается в мире, населённом эльфами, драконами, волшебниками...

Правда, в этих книжках героини обычно не прозябали в темницах. Разве что в самом конце, когда их пленял похотливый злодей. А в начале их встречали добрые колдуны, которые с помощью магии быстренько обучали новоявленных попаданок чужому языку, мироустройству, экономике – и всему, что могло пригодиться девушкам в тех приключениях, куда они обречены были незамедлительно ввязаться. И к приключениям прилагалась парочка прекрасных принцев, на протяжении всей книги ведущих ожесточённое сражение за сердце героини. А финальную победу Добра над Злом сопровождала развязка любовного

треугольника, где героиня спустя миллион терзаний всё же выбирала одного из них. Хотя иногда не выбирала, шалунья, – в конце концов, двое лучше, чем один...

– *Уннустин минн эрфинг альфар Дэнимон, ог ханн эр висс ум ас финна мих! –* надрывалась между тем моя сокамерница. – *Ог фа мунт фу фьера анайгх мез ас фу файдист инн и хейм!*^[7]

– Хотя бы переводчика вместо доброй колдуньи дали, – проворчала я.

Ледок иронии заковывал мысли в броню спокойствия, не позволяя поразить их панике или страху, оставляя разум кристально ясным.

Удивительно, но девушка обернулась и замерла, настороженно уставившись на меня: ни дать ни взять лань, заметившая льва.

– Ты тоже не из этого мира? – выдохнула она на чистейшем русском.

Второй раз за день я потеряла дар речи.

Хотя не факт, что это всё ещё был тот день, когда меня вытащили из чёрного пруда.

– Да! – наконец отмерла я. – Хочешь сказать, ты из России?

И тут девушка, рухнув на колени подле меня, кинулась мне на шею.

– Боже, думала, никогда уже не увижу своих! – Сдавив меня в объятиях, она всхлипнула. – А тут ты, да ещё в такой момент!..

– Спокойно, спокойно. – Я неуверенно похлопала её по спине и мягко отстранила. Всегда с трудом шла на тактильный контакт. – Как тебя зовут?

– Криста. То есть Кристина, но здесь все зовут меня Криста. Местным трудно выговаривать русские имена... – По её щеке кинематографично красиво скатилась крупная слеза. – А тебя?

Пользуясь тем, что девушка оказалась достаточно близко, я, щурясь, оглядела её с головы до ног.

Голубой шёлк платья, местами грязного и изодранного, оттенял яркую лазурь глаз и изысканную бледность кожи, подчёркивал пышную грудь и тонкую талию. Длинные локоны отливали старым золотом, сердцевидное личико так и просилось на обложку одного из тех самых романов про попаданок. Да уж, она бы хорошо там смотрелась, по соседству с парочкой принцев, а вот моя очкастая физиономия...

Хотя Криста явно не относилась к Самым Обыкновенным Девушкам. Скорее уж к Первым Красавицам. В голове не укладывалось, что подобное создание когда-то могло разгуливать по улицам, мощённым асфальтом, а не брусчаткой.

– Снежана, – всё-таки ответила я. – Но можно Снежка.

О ласковом школьном прозвище «Белоснежка», превращённом Сусликовой в издевку, я предпочла умолчать. Действительно, если кто и был на свете всех милее, то уж точно не я.

Нет, в детстве я и правда чем-то напоминала сказочную героиню. Пусть кожа не бела как снег, а просто бледна, и волосы не черны как смоль, а просто темны, – но в целом внешность вполне соответствовала имени. А что губы не алы как кровь, даже хорошо. Кому хочется походить на вампира? Так что мне польстило, когда в первом классе одноклассники дружно сократили Снежану Белую в Белоснежку.

Прозвище, которое к универу вызывало лишь горькую усмешку.

– Красивое имя. – Криста нахмурилась. – А почему ты не изменилась? И почему всё ещё говоришь на русском?

На этом месте я снова растерялась:

– В смысле?

– Ну, ты выглядишь... обычной! И языка риджийского, похоже, не знаешь. Так не должно быть. – Криста рассеянно поправила волосы. – Надеюсь, хоть магия у тебя появилась...

– Какая ещё магия?

Криста вздохнула и начала рассказывать.

Это случилось год назад. Шла себе Кристина по улочкам Питера, возвращаясь с работы промозглым зимним вечером. В институт она не поступила, так что решила попробовать снова на следующий год, а пока устроилась кассиром в магазин. Захотела срезать дорогу через один из дворов-колодцев, вынырнула из очередной арки – и увидела старинную рыночную площадь, залитую летним солнцем, заполненную странными людьми, смахивавшими на ролевигов. А когда девушка обернулась, то вместо питерских семиэтажек узрела невысокие каменные домишки, подозрительно напоминавшие средневековые.

Испугавшись, Криста побежала куда глаза глядят. В конце концов забилась в какую-то подворотню, пытаюсь успокоиться и осознать, где и каким образом очутилась, но, к несчастью, в эту же подворотню забрели злодеи, изголодавшиеся по женской любви и ласке. Конечно, Криста отдала им каблуками сапожек всё, что можно отдалить, разбила не один нос и вообще сражалась, как тигрица, но силы были неравны.

И в тот самый момент, когда Кресте уже разрезали пуховик и задрали юбку, появился он...

– Так, это всё замечательно, – оборвала я новую знакомую, когда услышала в её голосе нездорово восторженные придыхания, – но при чём тут моя «обычность»?

– Да ты слушай! – Криста нетерпеливо махнула ручкой.

...появился он. Даже не вынимая меча из ножен, прекрасный незнакомец расправился с насильниками, забрал Кресту из подворотни и привёл в дом, где он остановился. Спаситель поинтересовался, почему девушка так странно одета, ибо пуховики в этом мире были не в ходу. Когда же Криста выложила ему свою историю, незнакомец объяснил, что она попала в страну под названием Риджия, где обитают лепреконы, люди и эльфы. Сам он как раз был из последних, только острые уши прятал под пышными кудрями.

В какой-то момент девушка с удивлением обнаружила, что разговаривали они вовсе не на русском. Просто Криста с чего-то прекрасно понимала чужой язык и столь же прекрасно на нём говорила. На автомате, сама того не замечая. При взгляде в зеркало выяснилось, что волосы её завились в изящные локоны, ресницы вытянулись и для пущей выразительности потемнели, а с кожи исчезли все изъяны... Однако потом Кресте с её спасителем, назвавшимся Дэном, пришлось удирать из города. По причине того, что среди ночи на них напали странные личности в чёрных плащах с капюшонами, и парочка чудом улизнула.

Чудо включало в себя украденных лошадей, фехтовальное мастерство Дэна и лук из цветочных лоз, который сам собой материализовался в руках Кресты. Да ещё и со стрелой на тетиве. От испуга Криста выпустила эту стрелу в нападавших, а та отчего-то взорвалась светящимися шипами, а Дэн подхватил девушку на руки и вместе с ней выпрыгнул из окна, а потом они нашли лошадей, и Криста поняла, что теперь обладает колдовским даром, да к тому же превосходно ездит верхом и стреляет из лука, хотя до того лошадей и луки видела лишь на картинках...

– Дай-ка угадаю, – тоскливо проговорила я. – Дэн оказался принцем?

Криста вскинула тоненькие брови – тёмные, несмотря на золото её волос, и идеальной формы:

– Откуда ты...

– И, конечно же, вы полюбили друг друга?

– Да, но...

– И за тобой ухлёстывал ещё какой-нибудь принц, но в итоге ты выбрала Дэна и оставила того несчастного во френдзоне?

– Ещё немного, и я подумаю, что на самом деле ты шпионка дроу, – подозрительно проговорила девушка.

– Считай это просто... интуицией. – Я скрестила руки на груди. Всё-таки грудь есть грудь, каких бы размеров она ни была. – И кем же оказались личности в капюшонах?

– Людьми отца Дэна... то есть эльфами, – неохотно проговорила Криста. – Его хотели по политическим соображениям женить на одной страшной принцессе, но он сбежал.

– А какой год был в России, когда ты оттуда ушла?

– Две тысячи шестой...

Значит, она уже не застала всех тех романов про попаданок, что мозолили глаза мне. Понятно, почему она не знает законов жанра.

Я прислонилась спиной к неровной каменной стене.

Из всей этой истории – довольно банальной, надо сказать – следовало два вывода. Первый: меня должны были, но по неведомым причинам не решились осчастливить неземной красой и знанием местного языка. Может, это зависит от того, каким способом сюда переносишься? Криста же не падала никуда, а тихо-мирно прошла...

Здесь определённо должна быть какая-то логика.

Но об этом, пожалуй, я поразмыслю как-нибудь в другой раз.

Второй вывод утешал не больше первого. Криста говорит, что попала сюда год назад, но в нашем мире прошло уже девять лет. Значит, время здесь идёт по-другому – и вернуться обратно до последнего экзамена я явно не успею, а без меня Сашка наверняка завалит устный матан...

Ха, и о чём я думаю? Судя по тому, что меня окружает, мне вряд ли вообще суждено вернуться. Либо я сгнию в этой темнице, либо пойду на опыты дроу.

– И как же ты сюда угодила? – помолчав, поинтересовалась я.

– Да проезжала мимо гор, под которыми живут дроу, а на меня как накнулись! Я парочку подстрелила, но... – Криста беспомощно опустила глаза.

– А вытащить нас отсюда ты не можешь? Раз уж ты такая крутая лучница и магичка?

– А то я не пыталась! – огрызнулась девушка, вскинув руки к шее, на которой тоже красовалось серебряное кольцо. – Эта дрянь каким-то образом блокирует все мои способности! Мерзкие дроу!

– Скорее уж предусмотрительные, – оценила я, наклонившись ближе, разглядывая ошейник. С моими минус шестью, да ещё в неровном свете факелов пришлось почти ткнуться в украшение носом, чтобы различить на серебре тонкий рунный узор. – Значит, дроу с эльфами враги?

– Конечно! – Криста недоумённо хлопнула ресницами. – Эльфы – хорошие, а дроу – злодеи! Они ненавидят людей и эльфов, ненавидят и презирают! Из-за них нас с Дэном чуть не убили! У отца Дэна, Повелителя эльфов, был младший брат, и он сговорился с дроу, чтобы захватить эльфийский престол и...

– Коварный антагонист, конечно. Куда же без него, – пробормотала я. – Но вы, естественно, вывели злодея на чистую воду и уже полным ходом готовились к свадьбе, когда тебя похитили? Или успели пожениться?

– Не успели. – Криста почему-то поморщилась. – Я...

И тут вдали послышались гулкие шаги.

Заставившие нас мигом вскочить.

– Они знают, кто ты? – шёпотом поинтересовалась я, схватив Кристу за руку.

Конечно, трудно было не услышать те вопли, что разбудили меня. Но если их всё-таки не слышали, а непосредственно дроу сокамерница в известность не поставила...

– Не знаю. Думаю, нет. – Девушка покачала головой, тоже невольно понизив голос. – Я как проснулась, ещё никого, кроме тебя, не видела. И не говорила ни с кем.

Я сильнее сжала пальцы.

– Не вздумай сказать, что ты невеста принца, ясно?

– С чего это? Я как раз собиралась. – Криста гордо вздёрнула носик. – Пусть знают, кого поймали! И что Дэн обязательно...

– ...попытается тебя спасти. Особенно если тебя пригрозят убить, – закончила я. – Как я поняла, твой жених пойдёт ради тебя на всё. Значит, если ему скажут прийти к дроу одиноким и безоружным, он придёт. – И, прежде чем разжать руку, удовлетворённо кивнула ужасу в её глазах. – Ты ведь не хочешь его смерти?

Криста отчаянно помотала головой.

– Тогда помалкивай, если только тебя саму не захотят убить. Или пытаться. – Шаги были уже совсем близко. – Ты ведь всё равно не выдержишь пыток, так что лучше сразу раскрыться. Принца своего, конечно, подставишь под удар, но хоть жива останешься.

– А что будет с тобой?

– Боюсь, ничего хорошего, – буркнула я, шагнув ближе к решётке.

Мгновение спустя моему взгляду предстали два смутных разноцветных пятна. Приблизительно человеческой формы. Чёрт бы побрал мою слепоту!

Я отчаянно прильнула к прутьям, снова сделала себе «китайские глазки» – и, когда пятна приблизились к решётке почти вплотную, запоздало различила ту же парочку, что вытащила меня из пруда.

Дроу кривил тонкие губы в презрительной усмешке. В волосах цвета луны поблескивает серебряный венец, одежда выдержана в чёрно-фиолетовой гамме: нечто вроде камзола без рукавов, шелковая рубашка, облегающие бриджи и кожаные сапоги до колена. Узкое, аристократично вытянутое лицо, высокие острые скулы, чуть раскосые тигриные глаза... Красота смертельной опасности – и грация гепарда, готовящегося к прыжку.

Колдун – по крайней мере, я считала его таковым, учитывая, что он вырубил меня лёгким движением руки, – оказался ниже дроу почти на голову, да и выглядел куда проще. Длинные волосы, прямые и палевые, завязаны узлом. Правильный овал белокожего лица с чёткими чертами, светлые глаза непонятного цвета, густая русая щетина на месте бороды и усов. Сейчас он был в белой рубахе, тёмных штанах и выдавших виды ботинках, похожих на мокасины. Видимо, мантию действительно отдал мне.

Оба были молоды – не старше двадцати пяти – или казались таковыми... но если дроу напоминал гепарда, то облик колдуна вызывал ассоциации разве что с плюшевым мишкой.

– *Йаэя, йаэя, хвер хелдурлу ас вис хёвум хьер*, – вкрадчиво проговорил дроу, и низкий голос его был полон странных завораживающих гармоник. – *Ех эр Альянэл конар Бллойвуг, Дроттин дроу*^[8].

Колдун молчал, с любопытством нас разглядывая. Мы с Кристой отвечали тем же.

Дроу протянул руку к одному из ржавых прутьев, совсем рядом с моим лицом – и я

заметила, как на пальце его сверкнуло в свете факела тонкое серебряное кольцо, заиграв бликами витой золотой насечки.

Я не знала, о чём он говорил, но на всякий случай отступила к стене... и правильно сделала. Стоило длинному серому пальцу коснуться решётки, как та отъехала в сторону. Криста немедленно рванула к врагу, на ходу занося кулачки, но дроу лениво шевельнул пальцами, точно перебирая в воздухе невидимые струны, – и девушка застыла на месте, покладисто опустив руки.

Что с ней сделали?..

– *Крага гефюр мьер фулльт вальд ифир фьер.* – Дроу почти мурлыкал, но то было мурлыканье льва; подошёл к Кристе, взял её двумя пальцами за подбородок, заставив вскинуть голову. – *Фаллег стэльна.* – Он провёл длинным ногтем по её щеке, от скулы до подбородка. – *Фу мэйст, ех гет гефис фьер хваса рос, ог фулльт аф гаман мес фьер...* ^[9]

Криста, похоже, не могла и мизинцем шевельнуть – а пальцы дроу прошли по её губам, скользнули по подбородку, погладили серебряный ошейник...

Когда они спустились к ямке между ключицами, в глазах сокамерницы уже плескалась паника.

– *Нох, Алья,* – негромко произнёс колдун. – *Фейр эр митт. Фу лофассир* ^[10].

Дроу сжал губы, но руку убрал.

– *Готт, така фау.* – Он резко отвернулся. – *Эн льоса ком афтур тиль и съодаг* ^[11].

– *Эйнс ог фу вильт* ^[12], – склонил голову колдун.

Взметнув длинными рукавами, дроу стремглав вышел из темницы и скрылся из виду. Колдун проводил его пристальным взглядом.

Потом повернулся к нам.

– *Филга мьер,* – велел он, и на ладони его вспыхнул язычок белого пламени – одновременно с тем, как потухли все факелы. – *Ех мун эkki мэйса фихь.*

– Что он говорит? – поинтересовалась я у Кристи, когда та наконец сумела пошевелиться, переступив с ноги на ногу.

– Говорит следовать за ним, – покорно перевела девушка. – И что он не причинит нам вреда. А вдруг врёт?

– Конечно, врёт, – горько откликнулась я, делая шаг навстречу колдуну. – Но мы здесь не почётные гости. Так что если не пойдём сами, нас заставят силой, вот и всё.

Мужчина усмехнулся так, точно понял мои слова – хотя, наверное, по моему лицу и интонации нетрудно было догадаться о смысле. Потом, жестом велел следовать за ним, двинулся к выходу из подземелья.

– Что вообще произошло? – обернувшись через плечо, тихонько спросила я у Кристи, пока мы поднимались по узкой и сырой винтовой лесенке; путь освещал лишь огонёк в ладони колдуна. – Что этот дроу тебе наговорил?

– Его зовут Альянэл. Он Повелитель дроу. – В ответном шёпоте девушки явственно слышалась гадливость. – Я кинулась на него, но... – Криста снова сжала кулачки. – Моё тело не подчинялось мне! Он захотел, чтобы я остановилась, и я просто замерла, как кукла на ниточках!

– Это из-за ошейника?

– Да! Он так и сказал: «Ошейник даёт мне полную власть над вами». Потом сказал, что я красивая и что он... не важно. – Криста взглянула на нашего провожатого с явной

опаской. – Но колдун попросил его прекратить. Сказал, что дроу обещал нас ему. А тот приказал, чтобы колдун вернул меня через неделю.

– Да это любовь с первого взгляда, – мрачно проговорила я, аккуратно подбирая полы мантии, чтобы не споткнуться. – Этот дроу... он который возжелавший тебя принц? Пятый? Десятый?

– Третий, – обиженно ответила Криста. – До этого были только Дэн и Фаник.

– Фаник?

– Фаникэйл, младший брат Дэна. Он пытался относиться ко мне, как к сестре, но...

Можно не договаривать. И так ясно, что несчастный Фаник пал жертвой всё тех же законов жанра, уготовивших ему участь «третьего лишнего» в обязательном любовном треугольнике.

Лестница наконец закончилась, и мы очутились в просторном зале, отделанном чёрным мрамором. Впрочем, оглядеться возможности не было: колдун немедленно открыл неприметную дверку рядом с лестницей, и, увидев за ней каменные ступени, я поняла, что нам предстоит ещё один подъём. Хорошо хоть теперь путь озаряли свечи, приткнувшиеся в канделябрах на сухих гранитных стенах.

Спустя какое-то время мы всё же достигли обитаемой территории – круглой, небольшой и уютной комнаты в бежевых тонах. С пушистым ковром, мягкими креслами и камином, в котором танцевало пламя. В канделябрах размытыми светлячками дрожали свечные огоньки, окна закрывали белые гардины, в углу зеленел силуэт чего-то, смахивавшего на большой цветок в горшке...

Если бы обитатель этой комнаты не прислуживал принцу дроу, одна улыбка которого отчаянно сигналила «опасность», я бы могла подумать, что он довольно милый человек. Любящий домашний уют.

Но я знала, кому он служит, – и для меня милая комнатка была пряничным домиком, построенным для наивных голодных детей.

Колдун смял волшебное пламя в ладони. Жестом пригласил нас сесть в кресла, расставленные вокруг круглого столика. Мы с Кристой, переглянувшись, подчинились. Нервозность заставляла сокамерницу ёрзать так, будто в бархатной обивке прятались иголки. Я сидела спокойно, но, откровенно говоря, спокойной вовсе не была.

Нет, вряд ли нас будут расчленять прямо здесь. Но зачем-то мы колдуну понадобились, раз он выпросил нас у принца. И наверняка то, для чего мы ему нужны – нечто противоестественное.

А ещё – крайне болезненное.

Я отчаянно сощурилась, пытаюсь по лицу колдуна понять, чего ожидать. Бесполезно. Равнодушная доброжелательность, сквозившая во всём его облике, была непробиваема.

Несколько томительных секунд колдун просто переводил светлый взгляд с меня на Кристу и обратно.

Наконец разомкнул губы.

– Моё имя – Лод, – произнёс он с лёгким певучим акцентом. – И, как я понял, вам удобнее будет общаться не на риджийском.

Я никогда не думала, что смогу потерять дар речи трижды за день.

Однако всё когда-нибудь случается впервые.

Так он *правда* понял мои слова...

– Мы точно в этой вашей Риджии? – наконец вполголоса поинтересовалась я, ни к кому особенно не обращаясь. – А то все вокруг так бойко говорят на русском, что я уже сомневаюсь, не перенесло ли меня в Затерянный Мир на территории сибирской глубинки.

Колдун не мог оценить всего смысла моего высказывания, но всё равно рассмеялся.

– Боюсь, мы всё же здесь. – Губ его коснулась не то улыбка, не то усмешка. – Просто я очень интересуюсь вашим миром. Это одна из причин, почему вы сейчас в моей башне, а не на допросе у Повелителя.

Так нас не собираются расчленять? Надо же.

Хотя да, смертнице не стали бы отдавать свою мантию. Ведь смерть от переохлаждения не хуже любой другой.

– Значит, мы не первые, кто к вам попал, – поняла я.

– Нет, не первые. Подобные вам появляются вот уже сотни лет, но дроу с ними особо не церемонятся. Поначалу принимали за шпионов, хотя неожиданные гости даже под пытками твердили, что не из Риджии. Ведь они знали наш язык, выглядели подобно риджийцам и обладали магическими способностями, пусть и не умели с ними управляться. Потом, когда их одежда стала... видоизменяться, – взгляд колдуна скользнул по моим потрёпанным джинсам и футболке с ярким принтом, выглядывавшим из-под мантии, – а при них появились необычные вещи, такие, как... как...

– Плееры и мобильные телефоны? – подсказала я.

– Да, – с явным облегчением кивнул Лод, – забыл названия... да, вот тогда дроу задумались о том, что, возможно, они говорят правду, – и вздохнул. – Впрочем, это не мешало исправно их казнить. В нашей ситуации безопасность превыше всего.

– А нас тогда почему не казнили?

Колдун подпёр голову рукой.

– Первая причина – мне нужна энергия невинных девушек. Не бойтесь, это не больно. И не имеет серьёзных последствий. Пока вы были без сознания, я обследовал вас и понял, что вы подходите...

Лицо Кристы залила краска, и я поняла, что она тоже задумалась о том, каким образом нас «обследовали».

– ...а вторая причина – хочу побольше узнать о вашем родном мире. И о тех вещах, которые нашлись в твоей сумке. – Высказывание сопровождал кивок в мою сторону. – Я просмотрел твою память. С людьми без магического дара это можно сделать, значительно упрощает допросы... Но даже так многое осталось непонятным. Хочу, чтобы ты прояснила то, что меня интересует.

Так вот почему он не спрашивает, как я сюда попала! А с Кристой, видимо, трюк не прошёл – у неё-то дар есть, иначе бы сейчас она здесь не сидела...

Безболезненные исследования и беседы о нашем мире. Неужели ему нужно только это?

Что-то не верится.

Когда попадаешь в мышеловку – глупо надеяться, что тебе просто дадут тот кусочек сыра, к которому ты так стремишься, и отпустят.

– А что, если я правда шпион? – с вызовом спросила Криста. – И пока вы будете выкачивать из нас энергию, разнюхаю всё, что мне нужно?

– Не думаю. – Колдун почесал себя за ухом сухим, изящным пальцем. – Видишь ли, моя работа с тобой продлится всего неделю, и в твоих же интересах не покидать этой башни. Здесь никто тебя не тронет, но за её пределами... – Лод широко улыбнулся. – Дроу никогда не

отличались... как это на вашем языке... строгой моралью, а ты для них лакомый кусочек. Конечно, Алья накажет того, кто посягнул на его добычу, но твоя ценность в его глазах резко упадёт.

– Даже не знаю, утешиться или наоборот, – буркнула Криста.

– Зато мне, похоже, можно гулять без опаски, – сказала я, отметив, как панибратски колдун сокращает имя Повелителя дроу.

Лод внимательно поглядел на меня, и я смутно ощутила, будто он только что сделал некий важный вывод, который не замедлил записать в моё ментальное досье.

– Если вы попадётесь на глаза дроу, любая из вас... ничего хорошего не ждите, – сказал колдун. – Я мог бы приказать вам не покидать башни, но надеюсь на вашу... – он посмотрел в сторону, явно подбирая слово, – сознательность. Не хочу, чтобы вы постоянно ходили под влиянием ошейника.

– Ваших рук дело? – неприязненно спросила Криста.

– Моего предка, – бросил Лод. – Я их только усовершенствовал.

Я вглядывалась в лицо колдуна, надеясь за маской доброжелательности разглядеть намёк на его истинные намерения.

– Вы на всех пленников их цепляете?

Очков не хватало до боли – мало того что ничего не видно, так ещё и отвратительное ощущение незащитности, непривычной пустоты на носу...

– Конечно. Алья никогда бы не позволил вам покинуть темницу без ошейников. – Лод пожал плечами. – Я искренне надеюсь, что вы не наделаете таких же глупостей, как ваши предшественники.

– Это каких же?

– Ну, когда мне было семнадцать, к нам попал один мужчина, который назвался мэнэзжиром...

– Менеджером, – машинально поправила я.

– Наверное, – согласился колдун. – Я понял, что он из другого мира, и попросил у Алья разрешения взять его себе.

Как собачку, видимо. Ну да, на кого же ещё цепляют ошейники. А мы, видимо, новые питомцы. Может, поэтому с нами так любезны? Дети тоже частенько балуют подобранного на улице котёнка... пару месяцев. Пока котёнок не вырастет, а детям не надоест за ним убирать. И тогда котёнок отправляется туда, откуда его взяли.

Только вот когда наиграются с нами – нас явно ждёт нечто похуже улицы.

Бродячий кот, вот я кто. Бродячий облезлый кот, который по воле судьбы угодил к тем, кто не слишком-то любит котов. И если я попадусь на глаза новым хозяевам, на меня в лучшем случае не обратят внимания, а вероятнее всего – пнут. Ведь законы жанра, которые всегда делают очередную попаданку пупом земли, работают только для таких, как Криста, а в моей истории всем плевать на очередного кота, пусть даже немного отличающегося от тех, которых уже когда-то подбирали и выбрасывали...

– Конечно, сначала этот мэнэзжир вёл себя буйно, но когда понял, что может с ним сделать ошейник, присмирел. Какое-то время вёл себя хорошо. Написал по моей просьбе ваш алфавит и пару сотен слов вашего языка с переводом. Объяснил мне, что такое кассеты с музыкой, джинсы и другие вещи. А в один вечер убил двоих дроу и набросился на меня. – Лод произнёс это таким же обыденным тоном, как и всё предыдущее. – Мне не стоило бы труда остановить его, хотя вместе с магическими способностями его наделили умением драться не

хуже дрею... но это увидел Алья.

– И ему не понравилось, как какой-то мэнэзжир с вами обошёлся, – предположила я.

Лод кивнул.

– Вы убили его? – тихонько спросила Криста.

– Я – нет. Это сделал Алья.

– И каким образом? – невзначай уточнила я, движимая каким-то естествоиспытательским интересом.

– Очень просто. Отдал ошейнику приказ «убить», тот сжался, и мэнэзжир задохнулся.

Криста судорожно схватилась за серебряный круг на шее, точно тот мог разомкнуться от одного её прикосновения, а я немного, самую капельку, пожалела о своём вопросе.

Конечно, горькая правда лучше сладкой лжи, но теперь я особенно отчётливо ощущала себя осуждённым, стоящим на эшафоте. Рядом с палачом, который уже с извиняющейся улыбкой накинул на тебя петлю.

– Потом была девушка. Четыре года назад. Мне было двадцать три... вы с ней чем-то похожи. – Лод посмотрел на Кристу, а я отметила, что почти угадала с его возрастом. – Она провела здесь год. Научила меня вашему языку, рассказала много полезного. – Колдун вздохнул. – А потом попыталась бежать.

– Дайте-ка угадаю, – хмуро сказала я. – Ей это не удалось.

– Почему же? Удалось. Она даже добралась до ближайшего города людей. Но Алья узнал, что она бежала, призвал её обратно, и больше я её не видел. – Колдун покачал головой как будто даже печально. – Она ведь тоже была светловолосой, похожей на эльфа... к таким у него особое отношение.

Криста нервно сглотнула.

– Что значит «призвал её обратно»? – поинтересовалась я.

Раз уж за лишние вопросы меня до сих пор не убили...

– С помощью ошейников мы с Алей можем в любую минуту увидеть, где вы. А ещё – переместить вас к себе. Вне зависимости от того, где вы находитесь. И я надеюсь, вы уже поняли, что бежать бесполезно.

А вот это мы ещё посмотрим.

– Снять ошейники, конечно же, никак нельзя.

– Если это попытается сделать кто-нибудь, кроме меня и Алии, ошейник вас задушит. Любое физическое или магическое воздействие заставит его сузиться. Чем больше усилие, чем сильнее заклятие, тем быстрее он будет сжиматься. – Лод мягко улыбнулся. – В ваших же интересах не пытаться от него избавиться.

Улыбнулся – но едва уловимые нотки в голосе выдали, что под шкуркой плюшевого мишки скрывается сталь.

– Впрочем, вам надо отдохнуть. – Колдун поднялся с кресла, и мы с Кристой поспешили последовать его примеру. – Назовите свои имена.

– Криста, – обречённо выдохнула девушка.

– Снежана, – представилась я.

– Снез-жа-на, – повторил колдун нараспев. – Это от слова «снег»?

– Вроде бы.

Лод склонил голову.

– Снежана, почему ты всё время сужаешь глаза? Они болят?

– Нет, не болят. – Я перестала щуриться, и всё вокруг тут же расплылось в разноцветные

пятна. – Просто я плохо вижу.

– А... – Лод вскинул руку, в которой вдруг материализовались до боли знакомые очки: большие, прямоугольные, в пластиковой оправе цвета шоколада. – Тогда, думаю, это твоё.

Радостно вырвав очки из его пальцев, я протёрла стёкла футболкой, нацепила на нос – и мир обрёл чёткость. Позволив наконец разглядеть серые крапинки в зеленоватых, прозрачных, как лесной ручей, глазах Лода и щербинки на лакированной крышке стола, за которым мы сидели, и то, что на канделябрах вырезаны затейливые завитушки, а цветок в углу похож на фикус...

– Я нашёл их в пруду. Решил проверить, не потеряла ли ты чего. – Лод широко улыбнулся, и я заметила, что клычки у него острые и удлинённые, как у недоделанного вампира. – Ваши покои там. Вы найдёте в них всё, что нужно, – махнув рукой на дверь в дальнем конце комнаты, он отвернулся и шагнул к очередной винтовой лестенке, начинавшейся рядом с камином, ведущей куда-то вверх. – Спите. Завтра, как проснётесь, начнём работать.

– Выкачивать нашу энергию, хотите сказать?

Но колдун, не ответив, исчез за лестничным поворотом.

– И на том спасибо, – вздохнула я, направляясь к двери в обещанные покои. Криста хвостиком семенила следом.

Просторную полукруглую комнату обставили просто, но уютно: камин, огромная кровать, шкаф для одежды, шёлковая ширма для переодевания, расписанная абстрактными узорами. Всё в голубовато-серебристых тонах. В настенных канделябрах горели свеженькие свечи, у зашторенного окна стоял небольшой стол, на котором ждала пара странных серебряных колпаков. Странно... всегда думала, что дроу живут в каменных катакомбах, в хитросплетении подземных залов и коридоров, вырубленных прямо в скалах. Но откуда тогда окна?

И здесь ли жили все питомцы колдуна, пока не истекал их срок годности?..

Криста любопытно распахнула маленькую дверку рядом со шкафом – и, ахнув, нырнула в открывшуюся комнату.

– Да тут ванная! С *ванной!* Эмалированной! Совсем как в нашем мире! И унитаз... он что, со смывом?!

Я услышала странный щелчок, затем – шум воды. Хмыкнула, даже не подумав разделить Кристину радость.

Забавная она. Будто номер в отеле осматривает, а не клетку. И чего так удивляться? На Земле туалеты со сливом изобрели ещё до нашей эры, а судя по тому, что я видела, в этом мире всё же не грязное Средневековье...

Сквозь водяное бурчание пробился странный перезвон.

– А ещё тут краны! – В голосе Кристины зашкаливал восторг. Похоже, к этому моменту про плен она забыла начисто. – И из них течёт горячая вода!

Тяжело вздохнув, я вынула из канделябра одну свечу и сунулась в ванную комнату, отделанную белым мрамором. Фарфоровую раковину омывала прозрачная, пышущая паром водяная струя, бившая из медного крана. Разочаровывающе обыденный унитаз был без бачка, зато с кнопкой в стене над сиденьем – и с ним соседствовала круглая ванна, скорее напоминавшая небольшой бассейн.

Судя по всему, наши покои не предназначались для пленников. По крайней мере,

изначально. Но колдун вынужден был поместить нас сюда, дабы держать под рукой... что ж, спасибо ему. Я-то думала, будем сидеть на цепях, на коврике у камина – а золотая клетка всяко лучше каменной.

Надеюсь, жених Кристи не подведёт и вытащит нас отсюда до того, как колдун нами наиграется. Прекрасным эльфийским принцам вроде свойственно специализироваться на своевременном освобождении дам, попавших в беду. Конечно, у принца не было ни малейшего резона вытаскивать вместе с Кристой меня – но, если правильно себя вести, Криста сама будет на этом настаивать. Она вроде добрая девочка, хоть и глупенькая...

Вентилим над ванной всё-таки удалось меня заинтересовать. Хотя бы потому, что на один-единственный кран их приходилось целых четыре. После недолгих колебаний я установила свечу в канделябр над раковиной, залезла в ванну – прямо во влажных джинсах и хлюпающих кроссовках – и поочерёдно прокрутила все. Первые два, как и ожидалось, обеспечивали горячую и холодную воду, причём горячий открывался со странным звоном, будто поблизости кто-то бубен встряхнул. Третий добавил в струю густую белую пену. Когда я крутанула четвёртый, вода в кране неожиданно иссякла – зато миг спустя хлынула мне на голову.

– Душ! – воскликнула Криста, явно приближаясь к экстазу.

– Тьфу ты! – Я отшатнулась, жмурясь и отплёвываясь от пены. Хорошенько проморгавшись, вскинула голову: мыльная вода текла из крохотных, почти незаметных отверстий, сделанных прямо в мраморе на потолке. – А чего ты так радуешься? Неужто во дворце у твоего принца такого нет?

– Нет, конечно! Для умывания эльфы используют серебряные тазики. Они похожи на большие глубокие тарелки, и на них накладывают заклятие автоматического очищения, так что вода там не грязнится. А для мытья – бассейны или деревянные бадьи. Воду в них, конечно, подогревают магией, но сначала-то её приходится в вёдрах таскать...

Во взгляде Кристи, устремлённом на потолок, читалась откровенная зависть.

– А что насчёт туалета? – Уворачиваясь от тёплой струи, я закрыла пенный вентиль, и вода сразу очистилась от мыла.

– У них... в основном будочки во дворе. Но в замках деревянные сиденья в отдельной комнатке, и под сиденьями трубы к выгребной яме. Правда, пахнет в этих комнатах...

Значит, мои выводы насчёт грязного Средневековья всё же были несколько поспешными.

– Это несправедливо, – с искренней обидой в голосе продолжила Криста. – Тёмные эльфы, а живут, как белые люди!

– Что ж, будет что рассказать твоему жениху, когда он тебя спасёт.

Наспех смыв пену с волос, я закрутила все вентили. Вылезла, скинула безнадёжно промокшие кроссовки, оставляя пятками грязные следы на белоснежном полу. Ноги тоже сполоснуть не помешает... но позже.

– А как Дэн меня спасёт?! – в панике возопила Криста. – Он даже не знает, где я!

Вот это уже прозвучало не очень хорошо.

– Как не знает? – Я трянула головой, забрызгав сокамерницу каплями, разлетевшимися с концов спутанных волос. – Неужели, отправляясь к горам, где живут ваши злейшие враги, ты не сказала ему, куда идёшь? Или ты так замечталась о грядущем медовом месяце, что не заметила, куда тебя ноги несут?

Криста потупилась.

– Я... сбежала.

– От кого?

– От Дэна!

А я-то думала, что вероятность встретить сбежавшую невесту куда меньше, чем вероятность увидеть сбежавшего жениха.

– Почему? – озадаченно откинув волосы назад, я взлохматила чёлку, липнущую ко лбу мокрыми прядями-сосульками.

– Потому что у нас скоро свадьба!

– Но ты вроде бы его любишь. А он вроде бы красивый, храбрый, великолепно владеющий мечом эльфийский принц, который любит тебя. – Я вышла из ванной, не обращая внимания на мокрую одежду. С момента пробуждения уже к ней привыкла. – И что помешало тебе выйти за него замуж?

– Это разрушило бы наши отношения!

– По-моему, свадьбы обычно устраивают, чтобы скрепить эти самые отношения, – мягко напомнила я, разглядывая большой горшок с углём, стоявший рядом с камином: похоже, у дроу были проблемы с деревом. – И поддерживать их, пока смерть не разлучит вас.

Сев на кровать, Криста горестно вздохнула.

– Понимаешь, между нами возникло какое-то... напряжение! Раньше мы просто щекотали друг друга, дурачились и дрались подушками, а теперь лежали в постели и думали о том... и я знала, что он тоже думает о том... о том, что скоро в этой самой постели мы будем...

В общем, инфантилы на выгуле. Прелесть. Видимо, эльфы, в отличие от дроу, как раз славились строгой моралью. И если до свадьбы принц спал со своей невестой, то лишь в самом буквальном смысле этих слов.

Только вот тогда Криста ещё глупее, чем кажется.

Да, сейчас мысль о сексуальном контакте с кем-либо и во мне вызывает отвращение – но ради любимого человека, наверное, можно потерпеть. В конце концов, куча людей находит это занятие очень даже приятным.

– Неужели эта перспектива настолько вас пугала?

– Дело не только в этом! – Криста отчаянно всплеснула руками. – Понимаешь, когда я узнала, что у меня есть магические способности... и что я никогда не смогу вернуться в наш мир... я подумала, что буду помогать людям! Странствовать по Риджии, сражаться с дроу, убивать монстров...

Осознав, что она сказала, я похолодела:

– Не сможешь вернуться в наш мир?

– Да! Но если я стану эльфийской принцессой, никто не позволит мне делать то, что я хочу! И я буду вынуждена вести себя как положено принцессам, а это целыми днями сидеть на троне и вышивать гобелены, и играть на арфе, и...

– Почему ты не смогла вернуться в наш мир?!

– Да потому что! – Криста явно обиделась, что из её тирады меня заинтересовало именно это. – Ни эльфы, ни люди, ни лепреконы не знают, как открыть проход между мирами! Я же не первая, кто к ним попал. Они всё перепробовали, но ничего не получалось, даже просто посмотреть, как там моя семья поживает! Так что все мои... наши... предшественники так и жили здесь до самой смерти.

Я глубоко вдохнула. Выдохнула. Потом стала мысленно возводить семёрку в степень –

как делала всегда, когда хотела успокоиться.

Сорок девять, триста сорок три, две тысячи четыреста один, шестнадцать тысяч восемьсот семь...

Когда я дошла до пятнадцатой степени, нервный холодок исчез, тоненькие вопли паники утихли, перестав путать мысли – и ко мне вернулась способность рассуждать здраво.

Итак, шансов, что Кристин принц поможет нам спастись, фактически нет. Но даже если мы не умрём здесь, в катакомбах дроу, а вырвемся из плена – домой я уже никак не вернусь.

Весёленький расклад, ничего не скажешь.

Конечно, в моём мире меня не ждёт никто, кроме Сашки. Но и у эльфов в отличие от Кристи радужных перспектив мне не светит. Если мы и сможем бежать – что я буду делать? Мыть полы в какой-нибудь таверне? На приличную работу не устроиться. Кто же возьмёт на эту работу странную девушку с улицы, не знакомую с местным языком, обменным курсом, бытом и обычаями. Конечно, всё исправимо, но на это потребуется время – и деньги, которых у меня не будет. А я, честно сказать, плохо переношу голод и отсутствие бытовых удобств.

С другой стороны...

– Надеюсь, ты всё же будешь не против вернуться к своему принцу, когда я вытащу нас отсюда. – Подойдя к шкафу, я распахнула деревянные дверцы. – Если честно, твоё возвращение здорово облегчит нам жизнь.

– Ты собираешься... бежать? – Глаза Кристи расширились. – Со мной?

– Ну не отдавать же тебя на растерзание этой серой сволочи. А для начала я собираюсь переодеться.

...с другой стороны, если я верну эльфийскому принцу его взбалмошную возлюбленную – мне вряд ли посмеют в чём-либо отказать.

Да, мне было, в сущности, плевать, что там сделает с Кристой очередной принц, польстившийся на её прелести. Я эгоистка до мозга костей. И не стесняюсь в этом признаваться – в отличие от большинства людей, которые из лицемерия натягивают на руки белые перчатки лживого альтруизма, чтобы стянуть их при первом удобном случае.

Но в моих же интересах вытащить нас обеих отсюда до того, как колдун завершит с Кристой свою «работу».

В шкафу нашлись четыре платья, пара штанов и несколько рубашек. Платья оказались весьма интересных фасонов – судя по всему, дроу не стеснялись наготы. Кристе подошло только одно – из тёмно-серого бархата, с длинными рукавами и целомудренным отсутствием выреза спереди, зато полностью оголяющее спину – и даже интригующе маленькую часть того, что ниже спины. По бокам длинной юбки шли разрезы чуть ли не до бедра. Впрочем, Криста в этом наряде выглядела потрясающе, даже несмотря на то, что её замшевые полусапожки не совсем к нему подходили.

Интересно, а ноги у неё такими длинными тоже в этом мире стали?..

Я с огромным сожалением рассталась с безнадёжно грязными джинсами и замызганной футболкой, но примерять платья отказалась наотрез. А потому повесила мантию колдуна на спинку стула и вошла в огромные суконные штаны, которые пришлось подвернуть внизу и туго перепоясать бархатной полосой, бесцеремонно оторванной мною от одного из платьев. Все рубашки тоже оказались велики. Я выбрала самую простую, из светлого хлопка, и ограничилась тем, что засучила рукава. В кроссовки снова влезать не стала – каменный пол был удивительно тёплым, будто его подогревали. Какое-то время переживу и босой.

Следом моего внимания удостоился стол у окна. Под серебряными колпаками обнаружили ложки, золотые кубки, полные воды, и тарелки с чем-то, похожим на рагу. Уловив аппетитный запах, мы с Кристой схватили вилки и накинулись на еду, не только не задумавшись над её потенциальной отравленностью, но даже руки не помыв: уж слишком проголодались.

Я распознала какое-то мясо, картошку и овощи, напоминающие кабачки. Вкус остального был мне незнаком, но менее вкусным он от этого не делался. Удивительно даже... представить себе девушку-дроу в платье с головокружительным разрезом я могла легко – в конце концов, в игрушках что эльфы, что дроу зачастую бегали в комплекте бронированного нижнего белья, – а вот вообразить её же у плиты как-то не получалось. Не говоря уж о том, чтобы у этой плиты она старалась для презренных человеческих девиц.

Которых наверняка через недельку-другую уже не будет в живых.

Разнообразием ужин похвастаться не мог, но вот сытностью – вполне, так что я едва осилила последние ложки. Отодвинув тарелку, посмотрела на занавешенное окно.

И, поколебавшись, заглянула за плотную серебристую штору.

Похоже, мы находились во дворце. Башня, в которой располагалась наша комната, была более чем высокой, а потому из окна открывался потрясающий вид на город. Он искрился морем огней, сиянием окон белоснежных особняков, и над ним молчала чернота того, что можно было принять за беззвёздное небо... но я быстро поняла, что это не так.

Да, дроу действительно обитали под землёй. Только отнюдь не в каменных катакомбах. Они просто построили город в огромной пещере – столь огромной, что невозможно было разглядеть её сводов.

И да, я никак не ожидала увидеть того, что увидела.

Отдёрнув занавесь, я прижалась лбом к стеклу – одному из десятков маленьких стёкол, соединённых в единое целое изящной ковкой оконного переплёта, – и посмотрела по сторонам. Вправо от башни уползала белокаменная стена дворца, прямо под нашим окном виднелся знакомый сад со светящимися розами и чёрным прудом. Дворец окружала высокая каменная стена, поросшая пепельной серостью бледного плюща.

– Ничего себе, – прошептала Криста, подглядывавшая из-за моего плеча. – Не думала, что дроу... способны на такое.

– Как и я. – Прежде чем обернуться к сокамернице, я тихо вернула штору на место. – Что ж, если мы хотим выбраться отсюда, то мне нужно выучить риджийский.

– Ты не сможешь, – покачала головой Криста.

Я прошла к кровати. Пошарила по выдвижным ящикам, которые заметила в изголовье. Обнаружив пузырёк чернил, стальную перьевую ручку и несколько свитков пергамента, торжественно вручила всё это Кристе.

– Напиши вначале местный алфавит, – велела я, раздвигая тарелки на столе. – Потом – личные местоимения в разных падежах и названия всех предметов, которые есть в этой комнате. С переводом и транскрипцией русскими буквами, естественно.

– Ты не сможешь! – повторила Криста. – Колдун продержит меня здесь всего неделю, и за это время риджийский ты никак не выучишь! И вообще... какой у тебя план?

– Пока никакого.

– Никакого? И как же тогда, скажи на милость, ты собираешься нас освободить?

– Как только придумаю, обязательно сообщу.

Криста, фыркнув, раздражённо дёрнула покатым плечиком:

– А я-то уши развесила! Вытащит она нас, как же! Ладно, придумаю что-нибудь, и не из таких передрыг...

– Никто не мешает тебе на досуге придумывать всё, что душе угодно. – Мой голос только что не сочился бесконечным терпением. – Но сейчас я прошу тебя набросать несколько строчек, что не так уж тяжело, согласишься. Если, конечно, ты умеешь писать.

И, заметив гневный прищур Кристи, ретировалась в ванную.

Такие грязные ноги, как у меня, брать в постель преступно. А значит, мне есть чем заняться, пока сокамерница покупается на моё «слабо».

Когда я вернулась, вместо полотенца вытирая голову порванным платьем, Криста расчёсывала волосы костяным гребнем. Видимо, нашла всё в тех же изголовных ящиках.

– Написала? – повесив влажное платье на спинку стула, я взяла исписанный пергамент.

– Да. – Криста любовалась своим отражением в ручном серебряном зеркальце.

Я пробежалась взглядом по чернильным строчкам. Вначале – по закорючкам букв, сопровождаённым звуковой транскрипцией на русском, потом по словам, нацарапанным ниже. Ещё раз окинула пергамент пристальным взглядом.

Почувствовала, как его ментальная копия ложится на полочку в моём сознании.

– Отлично. – Я перевернула пергамент и положила его перед Кристой. – А теперь пиши на обороте риджийский перевод тех слов, которые я тебе назову.

– Сначала выучи то, что я уже написала. – Девушка сосредоточенно расчёсывала особо непослушный локон.

– Я и выучила.

Криста замерла. Поймала в зеркальной глади мой мягкий, внимательный взгляд из-под очков.

Потом, всем своим видом выразив крайний скептицизм, отложила зеркальце и гребень, схватила пергамент – и встала.

– Отлично. Сейчас проверим. – Она отошла в дальний конец комнаты, чтобы я никак не разглядела написанного. – Как будет «стул»?

Образ пергамента мгновенно всплыл перед моими глазами.

– Не ручаюсь за правильность написанного тобой произношения, – я взяла со стола гребень и склонилась над зеркалом, в котором отражался белёный потолок, – но вроде «формасур».

Криста недовольно кивнула.

– Кровать?

– Руум. – Я пригладила чёлку, чтобы та сохла в более-менее приличном виде, и принялась расчёсывать мокрые запутанные волосы.

– Они?

– Фейр.

– Тарелка?

– Фат.

– Ей?

– Хенни. – Я поморщилась, пытаясь сладить с прядью, никак не желавшей расчёсываться.

– Одежда?!

– Фёт.

– Вода?!

– Матх. – Положив гребень рядом с зеркальцем, я оглянулась через плечо и улыбнулась. – Может, для экономии времени ты просто мне поверишь?

Криста села на кровать. Открыла рот – и закрыла.

Потом снова, словно рыбка, которую вытащили из воды.

– Я же называла слова не подряд, – зачем-то пробормотала она. – И те, которые написала в конце, и в середине...

– Правильно делала.

– Но это невозможно! Ты... ты смотрела на этот пергамент всего-то секунд десять!

Я повернулась к ней:

– Полагаю, ты никогда не слышала об эйдетической памяти?

Криста озадаченно хлопнула длинными ресницами.

– Фотографической, – смилостивилась я.

– А! Это когда людям достаточно пролистать книгу, и они её запоминают?

– Точно.

– Слышала, конечно! Хочешь сказать, у тебя... фотографическая?..

– Именно.

Во взгляде Кристи скользнуло благоговение.

– Выходит, ты... гений?

Я провела пальцем по переносице, поправляя очки. Села на стул, откинувшись на мягкую спинку.

– Я научилась читать в год, а к двенадцати знала наизусть все книги в нашем доме. В пять лет я перемножала в уме трёхзначные числа. Я поступила в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики, набрав максимальное количество проходных баллов. Учти, что на студентов с ВМК даже ребята с физфака и мехмата смотрят, открыв рот, а я поступала на курс фундаментальной информатики, куда принимали всего-то пятнадцать человек. – Насчёт мехмата я, конечно, несколько преувеличила, ибо тамошние студюзусы всегда мнили о себе незаслуженно много... но не суть. – Мой айкью равен приблизительно ста восьмидесяти с хвостиком. Если сложить все эти факты воедино... – я пожала плечами. – Да, пожалуй, можно сказать, что я гений.

И не стала добавлять, что лишь осознание собственной исключительности весь последний год удерживало меня от того, чтобы повеситься на крюке от люстры. Этого – и что без меня Сашка снова запустит учёбу.

Воспоминание кольнуло сердце тонкой иголкой тоски.

Мне до боли хотелось его увидеть. Рассказать обо всех безумствах, которые со мной произошли. Потому что я всегда всё рассказывала ему.

Почти.

– Можешь придержать слова восхищения при себе, – великодушно разрешила я.

– А... ты... – девушка облизнула пересохшие губы, – ты что, уже учишься в универе? Сколько же тебе лет?

Поскольку я ожидала несколько другой реакции, то нахмурилась:

– Девятнадцать.

Криста долго смотрела на меня, птичкой склонив голову набок.

Так, будто впервые увидела.

– А я думала, тебе лет пятнадцать, – наконец глубокомысленно изрекла она. – Совсем

мелкой выглядишь.

– Всё, что ты усвоила из моих слов – это факт моего поступления в универ?

– Нет, – на удивление спокойно ответила девушка, поднимаясь с кровати. Приблизившись, села напротив. – Ещё то, что ты действительно можешь вытащить нас отсюда.

Положила перед собой пергамент. Повернула чистой стороной кверху.

И, обречённо вздохнув, открыла крышку пузырька с чернилами.

– Так. Какие слова, говоришь, тебе ещё надо написать?..

Мы просидели, наверное, полночи. Криста очень скоро начала клевать носом, рискуя испачкать его в чернильнице, но я объявила отбой, лишь когда мы исписали все четыре свитка мелким шрифтом с обеих сторон. Тогда я задула свечи, уже близившиеся к состоянию огарков, и мы с наслаждением заползли под одеяло.

К сожалению, только одно.

Под нами захрустела свежая простыня, едва уловимо пахнувшая лилиями. Некоторое время мы с сокамерницей, ворочаясь, перетягивали одеяло на себя – пока я, махнув рукой, не выползла из-под него.

Ничего страшного, всё равно в рубашке сплю. К тому же в комнате тепло.

– Хорошие свечи у дроу, – едва слышно протянула Криста, удовлетворённо свернувшись калачиком под пуховым трофеем. – У эльфов они трещат и дымят, а эти... у них пламя такое ровное, и хватает надолго...

– Прихватим одну, как сбегать будем? Пусть эльфы выяснят, как дроу их делают.

– Ага...

Она зевнула сонным котёнком – широко, умильно, обнажив мелкие зубки, – и заснула, как котёнок – мгновенно. Только что говорила со мной, а потом закрыла глаза, и звук её дыхания окрасил тонкий присвист.

Я сняла очки, положив их рядом с подушкой. Легла, закинув руки за голову. Глядя в потолок, мысленно перебрала свитки с риджийскими словами, отныне надёжно хранившиеся в моей памяти.

Закрыла глаза, чувствуя, как подкрадывается на мягких лапках долгожданный сон.

Что ж, будем надеяться, нам действительно удастся выпутаться из этой передряги. И желательно безболезненно.

Хотя бы для меня.

Глава 2

Наследник рода Миркрихэйр

Утром меня разбудил вопль Кристи. Очень похожий на тот, что выдернул меня из сна в темнице.

И, прежде чем открыть глаза, я понадеялась, что подобный способ пробуждения не войдёт у неё в привычку.

– Что? – Я рывком села в постели, нащупывая очки.

Сокамерница, не отвечая, молча ткнула пальцем куда-то в сторону окна. Поспешно спрятав глаза за стёклами, я обратила внимание на растопленный кем-то камин – и натолкнулась на чужой сияющий взор. Сияющий в прямом смысле этого слова.

И странный, чарующий блеск синевы и серебра, которым светились очи юноши, застывшего у стола с грязными тарелками в руках, заставил меня почти залюбоваться.

– Доброе утро, – вежливо произнесла я, приветствуя незнакомца. – Что вам нужно?

Тот лишь улыбнулся в ответ узкими губами, и улыбка эта походила на лезвие ножа. Кожа его была пепельно-серой, как у дроу, но черты – ещё тоньше, ещё острее, ещё неправильнее, и волосы – чёрный обсидиан, а не лунное серебро, и глаза – не яркий янтарь, а блёклый синеватый перламутр, и бесформенные одежды – похожие на мантию, сотканную из сумрака ночи...

Одновременно с тем, как я встала с постели, юноша отступил на шаг, в тёмный угол рядом с окном, и каким-то образом совершенно слился с тенью. Ещё мгновение я видела огоньки его глаз – а затем пропали и они.

Когда я приблизилась к столу, в комнате уже не было никого, кроме нас с Кристой.

– Кто это был? – выдохнула сокамерница.

– Думаю, кто-то вроде уборщика. – Я запоздало сообразила, что на мне нет ничего, кроме рубашки, прикрывающей ноги до середины бедра. Мстительно понадеялась, что мои кривые ноги будут преследовать незваного гостя в кошмарах. – Тоже мне, юноша бледный со взором горящим...

На всякий случай обследовала угол на предмет потайных люков и дверей, но ничего не обнаружила. Ожидаемо.

– Похоже, он ещё и официант, – добавила я, заметив на столе чистенькие серебряные колпаки, под которыми явно скрывался наш завтрак. Мельком заглянула в зеркальце, лежавшее на столешнице, торопливо поправила вздыбленную чёлку, скрыв противную россыпь мелких прыщей на лбу. – Давай-ка умываться и есть.

И мантия колдуна, и мои джинсы бесследно исчезли. Похоже, их забрали в обмен на еду, и за этой едой я обнаружила, что мне больно глотать. Это тоже было ожидаемо – купание в реке и ночёвка на ледяном полу не могли обойтись без последствий. Особенно для человека, который больше половины уроков физкультуры просидел на скамейке по причине освобождения после болезни.

Если кто-нибудь всё же принимает участие в нашем создании, в чём я сильно сомневаюсь – ваяя меня, он настолько переборщил с интеллектом, что на иммунитет просто не осталось места. Насморк, кашель и прочие ОРВИ цеплялись ко мне регулярно, а за весь четвёртый и пятый класс школы я посетила от силы уроков сорок, за два года умудрившись

переболеть бронхитом, гайморитом, отитом, воспалением лёгких и вирусным менингитом. Какой-то болячке так понравилось в моём организме, что лекарства заставляли её кочевать из органа в орган, но никак не уходить. Мама сбилась с ног, таская меня по врачам, а те только руками разводили.

В конце концов я всё же выздоровела, но ещё долго отходила от последствий постоянного приёма антибиотиков. Те два года я спала не в своей комнате, а в маминей кровати, у неё под боком. Тогда мама не объясняла, почему настояла на моём переселении. И лишь годы спустя призналась, что устала по пять раз за ночь бегать в другую комнату, чтобы проверить, дышу ли я...

Тарелка расплылась перед моими глазами, заставив проглотить комок в горле. Нет, не плакать, только не плакать! Срочно возвести в степень... тройку, да, тройку. Первая – три, вторая – девять, потом двадцать семь, восемьдесят один, двести сорок три...

– Интересно, а что нам после завтрака делать? – Когда непролитые слёзы высохли на ресницах, я спокойно подцепила вилкой жареный гриб. На завтрак нам подали удивительно банальный для другого мира омлет с чем-то, очень похожим на шампиньоны. – С утра с нами вроде обещали «поработать».

– Может, этот колдун про нас забыл? – с надеждой спросила Криста.

– Хотелось бы надеяться. – Я качнула головой. – Но, боюсь, вероятность этого крайне мала.

И точно, не успела я договорить, как послышался деликатный стук в дверь.

– Да, – обречённо крикнула я.

Лод вошёл в комнату с таким непринуждённым видом, словно навещал не пленниц, а дорогих гостей. Скользнул взглядом по моим голым ногам – но, как и ожидалось, особо на них не задержался.

– Доброе утро, – произнёс колдун. Уголки его губ были приподняты в лёгкой улыбке. – Как спалось?

– Благодарю, прекрасно, – сказала я. – Но мне очень интересно, кто нас разбудил.

Лод сощурился, и я прочла вопрос в его взгляде.

– Тут был... юноша. В чёрном. Со светящимися глазами.

– А, вы про Акке? – Улыбка колдуна стала шире. – Не обращайтесь на него внимания. Это мой слуга, он иллюранди.

Я как раз собиралась спросить, что означает последнее слово, когда Криста ахнула и всплеснула руками.

– Иллюранди?! – Тонкий голосок сокамерницы дрожал от возмущения. – Они же демоны, создания тьмы! Мне про них Дэ... дедушка рассказывал! – К счастью, Криста вовремя поймала мой предостерегающий взгляд. – Насылают кошмарные сны, питаются человеческими силами!

– Не только человеческими, – мягко поправил Лод. – Просто у человека легче всего украсть силы... и да, легче всего это сделать во сне. С дроу или с эльфом такое не пройдёт, если только они не ослабли вконец. – Колдун прислонился плечом к дверному косяку. – Но дроу заключили с иллюранди... соглашение. Дроу на добровольной основе отдают иллюранди свою энергию, а те взамен присматривают за их домами. Энергия дроу куда сытнее человеческой, так что иллюранди в итоге забирают совсем немного, дроу этого даже не чувствуют. А ловкость и умение мгновенно перемещаться в тени делают иллюранди отличными слугами.

– В общем, тёмные домовые, – пробормотала я. – Или дворецкие.

Очередное подтверждение того, что не так уж наш плюшевый мишка и безобиден. Действительно, куда же колдуну, живущему в мрачной тёмной цитадели и использующему невинных девиц для своих злодейских планов, без демона-прислужника...

– И вы позволили ему приблизиться к нам?! – Кристу объяснение колдуна явно не успокоило. – Когда-то сотни людей и эльфов погибли, чтобы изгнать иллюранди со своих земель, а вы...

– Акке причинил вам вред?

Голос мужчины был мягче шёлка – но улыбаться он перестал.

– Нет, но...

– Он чем-то оскорбил вас?

– Не...

– Тогда что именно тебя не устраивает?

Криста открыла рот – и встретила взгляд Лода, в котором сейчас поблескивала серая сталь.

– Да нет, – девушка потупилась, резко вспомнив, что находится в плену, а не на курорте, – всё нормально.

Едва заметная улыбка вернулась на губы колдуна мгновенно, будто кто переключил рычажок.

Только вот теперь я видела, что в прозрачной серости его глаз нет и тени этой улыбки.

– Я рад. – Лод отвернулся. – Жду вас в гостинной. Пора приступать к делу.

Я проследила, как за ним закрывается дверь. Покосилась на Кристу, чей нехороший прищур ясно выдавал направление её мыслей.

– Полагаю, ты думаешь о том, что он у тебя ещё попляшет?

– Правильно полагаешь, – процедила сокамерница. – Эх, не будь на мне ошейника...

Я успокаивающе похлопала Кристу по плечу.

– Ладно, пойдём, пока он не осерчал. – Подхватив штаны, я тоскливо отвернулась от раскисших кроссовок. Лучше уж похожу босиком. – Чем быстрее отмучаемся, тем быстрее я изучу ещё пару сотен риджийских слов.

В гостинной нас ждал сюрприз – на столе, за которым мы вчера разговаривали, были разложены штук десять мутных белых кристаллов, похожих на кварц. Колдун уже сидел в одном из кресел, положив руки на подлокотники, явно ожидая, пока мы тоже присядем.

– Это не займёт много времени, – молвил он, когда мы с Кристой оправдали его ожидания. – Кто хочет быть первой?

Мы с сокамерницей переглянулись, и я не увидела в глазах Кристи особого энтузиазма.

– Давайте я, – вырвался у меня тяжёлый вздох. – Что нужно делать?

В ответ на мои слова Лод нахмурился. Привстал, заставив меня напряжённо следить за его движениями. Нагнулся над столом.

И заботливо пощупал тыльной стороной ладони мой лоб под чёлкой.

– Так и есть. Жар, – заметил он. – Хриплый голос. И выглядишь болезненно. – Колдун опустил обратно в кресло, сложив ладони в жесте, напоминавшем молитвенный. – Что случилось?

Я растерянно пригладила чёлку.

Он собирается использовать меня для опытов – и при этом печётся о моём здоровье?

– Да так, простудилась немного...

– Тогда сегодня отдыхаешь. Ритуал требует много сил, а они тебе понадобятся. К тому же с тобой нам торопиться некуда, – последние слова он добавил легко и просто – но это делало их ещё более зловещими. – Позже попрошу Морти подыскать тебе лекарство.

Какая трогательная забота.

Совсем как об индюшке, которую лелеют до рождественского ужина.

– Тогда займёмся тобой. – Лод кивнул Кристе. – Возьми один из кристаллов. Любой.

Девушка протянула руку с такой опаской, точно камни в любой момент могли отрастить зубы. Сомкнула пальцы на кристалле, который был чуть меньше её ладони, быстро притянула к себе.

– Возьми его обеими руками, – велел Лод. – Да, вот так. Ладони на стол. Ближе ко мне. – Глядя, как робко Криста выполняет его указания, он усмехнулся. – Да не бойся ты так. Не меня тебе стоит бояться.

В конце концов руки Кристи, сжимающие камень, всё-таки оказались приблизительно посреди стола, – и тогда, сидя напротив, колдун накрыл её ладони своими. Прикрыл глаза. Я заметила, что ресницы у него темнее, чем волосы, и не слишком длинные, но пушистые.

А лоб-то какой высокий...

– Не шевелись, – велел мужчина. – И скажи, если почувствуешь себя плохо.

Золотистое сияние с внутренней стороны ладоней просветило его пальцы алым – а потом странная светлая дымка окутала и руки Кристи, и кристалл в них. Девушка заворожённо, широко открытыми глазами наблюдала за камнем, вдруг начавшим слабо светиться изнутри.

А я внимательно следила за обоими – из-за занавеси тёмных волос. Никогда не забирала их в хвост или косу, привыкла прятать глаза за длинными прядями. Это давало ощущение... уединения. Безопасности.

Да, я немного социофоб. Одиночество всегда скорее привлекало меня, чем пугало.

– Достаточно, – Лод резко взметнул ресницы вверх, и сияние в его ладонях мгновенно померкло. Так же, как исчезла колдовская дымка.

И только кристалл продолжил сиять мягким молочным светом, плескавшимся в его прозрачной глубине.

– Как себя чувствуешь? – участливо поинтересовался колдун.

– Отлично, – с вызовом ответила Криста, вздёрнув идеальный носик.

Она явно ответила бы то же самое, даже находясь на последнем издыхании. И хотя особо зловещих последствий колдовства я и правда не заметила, вряд ли колдун пощадил меня без причины.

– Прекрасно, – Лод кивнул на другие кристаллы, дожидавшиеся своего часа у края стола. – Тогда бери следующий.

Я поняла, почему меня оставили в покое, после четвёртого камня. К тому моменту Криста побледнела, под глазами её залегли тени, да и очередное «отлично» прозвучало куда тише... однако сокамерница упрямо потянулась за пятым кристаллом. Наверное, стоило бы вмешаться и приказать ей не дурить, но я лишь молча смотрела на процесс, чувствуя себя зрителем в кино.

В конце концов, убивать Кристу явно никто не собирается. Пока. А в няньки к ней я не занималась.

И в какой-то миг я увидела тень усмешки, притаившуюся в уголках губ Лода, в которой ясно читалось схожее чувство.

Прервалась Криста сама, на седьмом по счёту камне. Вдруг разжала пальцы, закатила глаза и чуть не рухнула с кресла. Хорошо ещё, что Лод удержал её за руки.

– Просил же предупредить, если станет плохо, – равнодушно бросил колдун, глядя на бесчувственную девушку. – Акке!

Да, убивать нас пока никто не собирался.

Но и беречь – тоже.

Я всё-таки вздрогнула, когда иллюранди шагнул из тени рядом с книжным шкафом. Легко, непринуждённо, так быстро, словно всё это время там прятался.

– *Гестгафи?* – Юноша поклонился. Он казался немногим старше меня, но я догадывалась, что это обманчивое впечатление.

Этого слова я не знала. Лишь предположила, что оно означает нечто вроде «господин».

Не забыть бы спросить о значении у Кристи, когда она очнётся.

А я надеялась, что она очнётся.

– *Така хана и свефнхерберги.* – Лод указал глазами на Кристу. – *Морти ог сейя ас ех сарф саз.*

Перед глазами мгновенно всплыли вчерашние пергаменты. «Така» – отнести, «хана» – её, «и» – в, «свефнхерберги» – спальня. Значит, первое предложение переводится как «отнеси её в спальню», а второе... «Морти и сказать, что я нуждается в она»? Тьфу, бред.

Но если переставить слова и пофантазировать со склонениями... похоже на «и скажи Морти, что она мне нужна».

Вот это уже более правдоподобно. Только «Морти» должно быть с большой буквы, учитывая, что колдун уже упоминал кого-то с этим именем.

Да, пока знание языка было далеко от совершенства, но хоть что-то.

– *Хиива.* – Иллюранди подхватил Кристу на руки легко, словно тряпичную куклу.

Должно быть, «слушаюсь». Но я мысленно поставила ещё один знак вопроса, надеясь, что память не подведёт.

– Полагаю, сегодня тебя лучше не беспокоить лишними разговорами, – сказал Лод, когда мы остались одни, – не то горло разболится. О твоей сумке поговорим, как выздоровеешь.

– Не так уж я и больна, – сказала я, за дужку подтянув очки, норовившие сползти на кончик носа.

Конечно, разумнее было бы согласиться с колдуном.

Да только, к сожалению, у меня тоже назрело к нему немало вопросов.

– Вещи в нашей комнате... душ и прочее... это ведь вы сделали?

Лод кивнул.

– По рассказам людей из нашего мира?

Ещё один кивок.

– И поэтому вы хотите расспросить меня? Чтобы сделать другие вещи, которые есть у нас?

– В чём-то, что есть у вас, мы не нуждаемся, – откликнулся колдун, – но некоторые предметы оказываются весьма полезными.

Он смотрел на меня, почти не моргая, мягко и пристально. Казалось, замечая и не упуская ничего – ни единого слова, ни единого движения, ни единой мысли. И этот взгляд, светлый, как блеклое небо в пасмурный день, тревожил. Казалось, тебя видят насквозь, зная о тебе такое, чего ты и сама не знаешь.

Но я не отводила глаз.

Потому что в гляделки можно играть вдвоём.

– Почему вы спасли меня?

Лод в ответ лишь вопросительно вскинул бровь.

– Вы же не знали, кто я. Полагаю, вы просто прогуливались в саду с принцем, как вдруг кто-то всплыл посреди пруда. – Я оперлась локтями на стол и положила подбородок на сложенные домиком ладони. – Не думаю, что дроу имеют привычку там купаться. Вы должны были понимать, что я чужая, но всё равно бросились в воду. – Я сощурилась. – А когда вытащили меня, я была почти мертва, я знаю. Я уже захлебнулась. Но вы меня откачали.

Сейчас я вспоминала об этом спокойно, без доли той стыдливости, которая охватила меня у пруда. Я помнила его губы на моих губах и мягкий щёкот его щетины на коже; но с чего, с другой стороны, меня так смутило обыкновенное искусственное дыхание?

– Так почему вы спасли меня? – повторила я. – Зная, что я чужая? Зная, что я могу оказаться вражеским шпионом?

– Станный вопрос. – Улыбка колдуна окрасилась некоей озадаченностью. – Разве ты не стала бы спасать того, кто тонет на твоих глазах?

– Если он может оказаться врагом? Нет.

– А если ты не знаешь, враг это или друг?

– У меня есть лишь один друг, и его я всегда узнаю. А до остальных мне дела нет.

Колдун склонил голову набок, позволив уловить ещё один окрас его улыбки. Удовлетворённый.

И я вдруг поняла, что его интересует во мне что-то ещё. Что-то помимо моего... происхождения.

Будто я – загадка, которую ему необходимо разгадать.

– Ты интересный человек, Снежана, – произнёс он. – Люди зачастую мнят о себе больше, чем они есть на самом деле, приукрашивая достоинства и не замечая недостатков. Правду, которая отражается в зеркале, признают лишь немногие. Но я, пожалуй, впервые встречаю кого-то, кто в своих же глазах нарочно раскрашивает себя в чёрные тона.

– А вы хотите сказать, что на самом деле я не такая, – довершила я его мысль.

Непроницаемая улыбка в ответ.

Да, он не слишком похож на злого колдуна из сказок. Но у него приятная располагающая наружность, приятные мягкие манеры, приятный притягательный взгляд и приятный обволакивающий голос.

И всё это – опасная приятная маска, за которой он прячет нечто большее.

– Боюсь разочаровать, но внешность бывает обманчива... хотя в моём случае это не так. – Я откинулась на спинку кресла. – Кто же может лучше знать меня, чем я сама?

– Порой со стороны виднее, – заметил колдун, рассеянно почёсывая себя за ухом. Странно, но в его исполнении этот жест смотрелся естественно и мило. – Так ты не знаешь, почему отличаешься от всех?

Неожиданная смена темы заставила меня замешкаться.

Неожиданный вопрос – тем более.

– В каком смысле?

– Почему не знаешь риджийского, – безмятежно пояснил колдун. – Почему, попав к нам, не стала похожа на эльфа. Почему в тебе не проснулся магический дар. Я проверял – ни намёка на него. А ведь все, кто переносился в Риджию из вашего мира, становились магами,

и очень могущественными.

Пояснение было логичным – да только мне всё равно казалось, будто в его вопросе было двойное дно.

Но не мог же он знать, *насколько* я отличаюсь от всех.

А я уж думала, ему плевать на то, что его очередной питомец не похож на предыдущих...

– Не знаю, – совершенно искренне ответила я. – Может, потому, что я переместилась сюда, свалившись в реку?

Колдун сузил глаза. Приложил палец к губам, будто самого себя призывая к молчанию.

– Возможно. – Протянул руку в сторону – и извлёк из воздуха предмет, в котором я узнала свой смартфон. – Похоже, ты действительно чувствуешь себя неплохо. Может, тогда расскажешь мне, что это?

Я взяла телефон, подозревая, что ни он, ни планшет, ни другие вещи в моей сумке не пережили купания вначале в Москве-реке, а затем в пруду дроу. Так и есть, дорожный сенсорный смартфон напрочь отказывался включаться.

Если бы мне дали его в руки сразу после того, как вытащили из воды, может, я и смогла бы его реанимировать. Но теперь...

– Это мобильный телефон. Вы о таких уже знаете.

– Но телефон выглядит совсем не так, – удивился колдун. – Он меньше, и на нём есть кнопки. А этот похож на карманное зеркальце, только чёрное.

Не знаю, какой год был в нашем мире, когда к Лоду попала предыдущая жертва порталов между мирами, – но мобильники тогда явно только входили в обиход.

– Это усовершенствованная модель. С её помощью можно слушать музыку, читать книжки, смотреть... красивые картинки... и общаться с друзьями, – сказала я, чувствуя себя воспитательницей в детском саду. Просто не хотелось вдаваться в такие подробности, как «влезать в Интернет», «фотографировать» и «смотреть фильмы», не то пришлось бы провести здесь ещё часа два. – Только от воды она испортилась, так что я не смогу показать наглядный пример.

– То есть она одновременно телефон и плэй-йер, – догадался Лод.

– Да.

– Ясно. – Колдун склонил голову набок. – И с её помощью можно читать книги?

– Да. Копии книг, – добавила я. – Грубо говоря, весь текст книги копируют, и он отображается вот здесь. – Я постучала ногтем по зеркальному экрану.

– Действительно хорошая вещь. – Лод с ловкостью фокусника вытянул из воздуха мой планшет. – А это, должно быть, несовершенный телефон?

– Нет, это планшет. И его изобрели позднее телефонов, – я стоически вздохнула. – Он... почти такой же, как телефон, но лучше.

– Он больше. – Лод нахмурился. – Его сложнее носить с собой.

– Немного. Но с его помощью можно... слушать музыку, читать книжки, смотреть картинки и общаться с друзьями, – немного беспомощно повторила я.

– То есть делать всё то же самое, что и с телефоном?

– Ну... да.

– Тогда зачем вы его изобрели, если у вас уже были предметы для этого?

А если подумать, действительно: зачем? Можно прочитать долгую лекцию про разрешение экрана, интерактивные приложения, операционную систему и быстродействие процессора, но для Лода всё это будет пустым сотрясением воздуха.

И в чём суть?

– Ну, – промямлила я, – на планшете... картинки больше... и красивее.

Лод внимательно посмотрел на меня – и в этот момент я поняла, что детский сад здесь совсем не он.

– Думаю, тебе лучше пойти и отдохнуть, – наконец мягко произнёс колдун, поднявшись из-за стола. Провёл рукой над кристаллами, точно поглаживая воздух, и все камни исчезли. – Лекарства вам скоро принесут. Кристе нужно восстановиться, так что сегодня и завтра вы вольны заниматься чем угодно. Только из башни не выходите.

– А из комнаты можно? – Я не замедлила поймать его на слове.

– Можно, – великодушно откликнулся Лод. – Но там, – он указал на лестницу одними глазами, – мой рабочий кабинет, а я не люблю, когда меня отвлекают во время работы.

– Поняла, – покладисто кивнула я.

– Хорошо. – Он отвернулся. – Доброго дня, Снежана.

Я следила, как он поднимается по тёмным каменным ступеням. Потом встала с кресла и, украдкой покашливая, обошла гостиную. Присматриваясь, приглядываясь, изучая.

В целом в комнате не было ничего интересного – не считая деревянной мишени для дротиков на стене да огромного книжного шкафа. Я взяла одну из книг, самую большую, в потёртом кожаном переплёте. На обложке названия не было, оно обнаружилось лишь на первой странице, аккуратно написанное от руки, и гласило «*Юртир ог плонтур*». «Травы и растения».

Ещё вчера меня удивило, что написание многих местных букв схоже с земной латиницей, – но находились и такие символы, которым не было аналога. К примеру, буква, звучавшая как нечто среднее между «з» и «в», а писавшаяся как зеркально отраженная «б» с горизонтальной черточкой на хвостике. Или ещё одна, по звучанию сочетавшая «с» и «ф», а по написанию напоминавшая русскую «р» – в которой вертикальная линия удлинялась не только вниз, но и вверх.

Знакомые слова я читала уже весьма сносно, а потому смело принялась брать с полки одну книгу за другой, пока не обнаружила ту, что могла оказаться полезной.

– «*Сьёгулегар скийрингар*». «Исторические записки». – Толстый том вернулся на место, но лишь на время. – Тебя-то мне и надо.

Я опустила на корточки. Поколебавшись, вытянула с нижней полки шкафа небольшую плетёную корзину с крышкой – и, открыв её, с удивлением увидела мраморную шахматную доску и набор каменных фигур.

Неужели в этом мире есть шахматы? Да нет, скорее кто-то из нашего мира рассказал о них Лоду...

– *Эрт фу стэлль фра хёдрум хейми?* – мелодично поинтересовались за моей спиной.

Я вздрогнула и обернулась.

Это была девушка-дроу. И, вопреки моим ожиданиям, она не носила ни платьев со сногшибательными разрезами, ни бронированного белья: всего лишь чёрную рубашку, шёлковый корсет под грудь, отливающий синей сталью, бархатные штаны и кожаные ботфорты. Образ вышел боевой, но вполне приличный – и более чем женственный. Глаза кошачьи, цвета шафрана, сощуренные и любопытные, снежные волосы собраны на макушке в высокий хвост, на лбу поблёскивает серебряный венец – такой же, как у принца.

Я довольно быстро сообразила, что её вопрос можно перевести как «это ты девочка из другого мира?».

Ещё я быстро сообразила, что лучше не давать моим тюремщикам знать о том, что я стремительно продвигаюсь в изучении их языка. Косить под дурачка – всегда лёгкий путь.

А быстрее всего я сообразила, что, скорее всего, это и есть та самая Морти, которая понадобилась колдуну.

– Не понимаю. – Я развела руками.

Девушка нахмурилась.

– *Фу талар эки тунмалив и Риджия?*

Я убито молчала, хотя только что меня спросили, не говорю ли я на риджийском.

Дроу вздохнула. Улыбнулась, неопределённо махнула рукой и прошествовала к лестнице в кабинет Лода. Через плечо у неё был перекинут длинный кожаный ремень, к которому крепился объёмный ларец чёрного дерева с изящной серебряной ручкой.

А я почти машинально отметила, что, несмотря на странные, неправильные пропорции её точёного лица, нечеловеческая красота дроу – завораживавшая, как прекрасный и опасный танец огня, – привлекала меня куда больше приторного личика Кристы.

Я подтащила корзину с шахматами к столу. Извлекла оттуда доску, ужасно тяжёлую, кое-как водрузила её на лакированную крышку.

Пока Криста не очнулась, брать книгу я не рискну – ещё заметят. А так можно будет сделать вид, что это сокамернице захотелось почитать.

Но в ожидании её пробуждения надо чем-то себя занять.

Я разыгрывала уже четвертую партию против самой себя, честно стараясь не симпатизировать ни белым, ни чёрным – пусть даже эта игра складывалась подозрительно похожей на знаменитую «Бессмертную партию»^[13], – когда на лестнице послышались голоса.

Спустя какое-то время в гостиную спустилась дроу, а следом за ней – Лод. И если дроу выглядела вполне прилично, разве что подозрительно сияющей и немного растрёпанной, то выправленная рубашка взлохмаченного колдуна ясно свидетельствовала о том, что они наверху как раз совсем не в шахматы играли.

Заметив меня, парочка осеклась и замолчала, хотя предполагалось, что я всё равно не пойму, о чём они говорят.

– *Йаэя, Лод*, – бросила дроу, – *ех айтла ас фара*.

Кажется, она говорила Лоду, что собралась уходить...

– *Комду квёльд*. – Лод ласково коснулся её щеки.

...а колдун приглашал её прийти вечером...

– *Ёхвитах, мун ех кома*. – Морти поцеловала колдуна в губы – коротким поцелуем давно и надёжно законной девушки – и была такова.

...и Лод был очень даже не против.

Наличие у колдуна любовницы меня немного удивило. Но лишь немного. В конце концов, он взрослый мужчина со своими потребностями, и странно было бы предположить, что он не найдёт способа их удовлетворять.

– Играешь в шахматы? – Лод вскинул бровь.

– Уже заканчиваю. – Я торопливо смела фигуры с доски обратно в корзину. – Откуда они у вас?

– Девушка, которая пришла до тебя, рассказала. – Ну да, так и думала. – В Риджии есть похожая игра, называется скаук, но ваш вариант мне больше нравится. Другие фигуры, другие

правила. – Лод следил, как я поднимаюсь из-за стола. – Сыграем как-нибудь?

– Как-нибудь, – согласилась я, проскользнув мимо него по направлению к нашим покоем.

И мне казалось, что его пристальный взгляд преследует меня, даже когда нас разделила закрытая дверь.

Что ему от меня нужно?..

– Явилась! – недовольно провозгласила Криста, благополучно очнувшись, но продолжавшая валяться на кровати. – Я тут вся извелась!

Вид у сокамерницы был вполне здоровый, да и истерить сил хватало, что тоже о чём-то говорило.

– Могла бы выглянуть в гостиную и не изводиться.

– Я больше вообще из этой комнаты не выйду! – Криста злобно покосилась в сторону двери. – Вот садист! Почему он не остановил меня, когда видел, что мне плохо?!

– Наверное, думал, что ты большая девочка и не страдаешь склонностью к мазохизму.

Хотя я знала, почему Лод её не пощадил. Помимо того, что его вообще не должно особо волновать наше самочувствие.

Именно так и надо воспитывать непослушных детей: не твердить о том, что нельзя касаться раскалённой плиты, а дать разок тыкнуть пальчиком во включённую конфорку.

– Он сказал, завтра ты отдыхаешь, – добавила я. – И, боюсь, выходить всё-таки придётся, иначе заставят. Но вроде действительно обошлось без серьёзных последствий?

– Это из-за лекарства, – буркнула Криста. – Сначала калечат, потом лечат...

– Какого лекарства?

Девушка выпростала руку из-под одеяла и указала на стол. Кто-то заботливо оставил там наш обед – одна тарелка уже опустела – и две бутылочки тёмного стекла. К горлышкам последних прикрепили пергаментные ярлычки, на которых аккуратно подписали наши имена.

На риджийском, естественно.

– Они уже были там, когда я проснулась, – сказала Криста. – Думаю, в моей что-то, восстанавливающее силы... а в твоей наверняка средство от простуды.

Я молча села за стол. Вытащила пробку из бутылки с лекарством, и в нос ударил пряный запах полыни. Сделала глоток, ожидая сводящую челюсть горечь, но жидкость оказалась сладкой и тягучей, как сироп шиповника.

И теперь я догадывалась, что несла любовница колдуна в чёрном ларце.

– Чем ты занималась всё это время? – Криста внимательно следила, как я ем. На этот раз подали белые стручки, похожие на фасоль, под сливочным соусом.

– Рассказывала колдуну про мобильники. А потом в шахматы играла.

– С кем?

– С собой.

Во взгляде Кристы я прочла явные сомнения в моей нормальности.

– У дроу есть шахматы? – после недолгой паузы спросила она.

– Наши предшественники про них рассказывали. А колдун, похоже, воспроизвёл. Сыграем попозже?

– Я плохо играю...

– Ничего, может, я тебя научу, – с сомнением проговорила я. Подумав, сложила вилку и нож по обе стороны тарелки. – Слушай, а можешь прояснить, с чего вообще дроу и эльфы

враждуют между собой?

Криста вздохнула и с готовностью начала рассказ.

В общем, начиналось всё, как обычно. Когда-то эльфы, дроу и люди жили в мире, дружили и тесно сотрудничали, – а лепреконы всегда были расой обособленной. Но триста лет назад Тэйрант из рода Бллойвуг, Повелитель дроу, вдруг понял, что в сравнении с эльфами и дроу люди стоят на низшей ступени развития, да и вообще когда-то прибыли в Риджию из-за моря. Следовательно, они не имеют права на равенство с её коренными обитателями.

Посему Тэйрант решил, что люди должны исчезнуть. Все, за исключением магов, которых боги отметили колдовским даром.

Идею не оценили ни эльфы, ни тем более сами люди. В итоге Тэйрант объявил светлых братьев изменниками, пошедшими против изначального замысла богов. Себя же он считал десницей провидения, призванной очистить Риджию от людской скверны. Всё это привело к ужасной кровопролитной войне, названной Войною Пяти Народов, разделившей жителей Риджии на «светлых» и «тёмных». К первым с той поры относили эльфов, людей и лепреконов, ко вторым – дроу и иллюранди.

Тёмные побеждали. Им помогал Ильхт из рода Миркрихэйр, самый могущественный и ужасный маг, когда-либо рождавшийся среди людей. Он перешёл на сторону дроу вместе со своими последователями-колдунами, коих нашлось немало. Тэйрант сделал Ильхта своей правой рукой, и вдвоём они погубили больше светлых, чем всё их войско... но от гибели людей и эльфов спасли лепреконы, которые долго отсиживались в своих предгорных лесах, однако в решающий момент всё же присоединились к битве на стороне света.

Тэйрант и Ильхт были убиты. Лишившись командиров, дроу бежали и укрылись под сводами гор. Их не преследовали. Важнее было засеять выжженные поля, отстроить заново города, обратившиеся в пепелища, и справиться с иллюранди, которые не спешили отступить следом за своими хозяевами.

Триста лет дроу давали о себе знать лишь периодическими вылазками в предгорные города – на свои бывшие земли, где они крали всё, что можно было украсть, и убивали всех, кого можно было убить. Пять раз светлые собирали войско и отправлялись в горы, чтобы раз и навсегда покончить с порождениями тьмы, и пять раз возвращались ни с чем. В подгорных лабиринтах, усеянных смертоносными ловушками дроу, они были бессильны. В конце концов на тёмных махнули рукой, и люди и эльфы просто перестали селиться рядом с горами, – а в глубь страны дроу соваться не осмеливались. Тэйрант и Ильхт обратились в персонажей страшных сказок, которыми на ночь пугают детей. Тэйрант Кровавый и Ильхт Злобный, так их прозвали. Повелитель дроу и его ручной колдун, едва не уничтожившие привычный мир.

Но восемнадцать лет назад дроу снова напомнили о себе.

Вначале явился их посланник, иллюранди. Этим созданиям тьмы под силу проникнуть всюду, если только место не защищено весьма специфическими чарами. Посланец дроу вынырнул из теней прямо перед Повелителем людей. Прежде чем стража успела среагировать, учтиво поклонился и сообщил, что тёмные хотят перечеркнуть старую вражду и заключить мир. Все трое светлых владык отнеслись к этому крайне настороженно... но, посоветовавшись, всё же согласились на встречу.

И тогда явились сами дроу.

В условленный день они во главе со своим Повелителем прибыли на место переговоров,

замок Матхниз на Долгом озере, что раскинулось на границе королевств людей и эльфов. Они расточали улыбки. Они говорили, что дети не в ответе за грехи отцов. Они казались полными раскаяния.

Казались.

А на пиру, который затеяли в честь воссоединения риджийских народов, устроили резню.

Владыки людей и лепреконов погибли. Повелитель эльфов, отец Дэна, чудом уцелел, но потерял жену. Невероятными усилиями он и его верные воины смогли одолеть и убить дроу, однако победа далась дорогой ценой, и с того дня отношения обострились до предела. Светлые поняли, что тёмные никогда не исчерпают своей ненависти к ним, и тогда Повелитель эльфов начал готовиться к войне.

Новой войне, которая раз и навсегда завершила бы старую.

Один за другим светлые разведчики жертвовали собой, пытаясь вызнать расположение городов дроу и нарисовать карту подгорных лабиринтов. Дроу тоже не сидели на месте – их лазутчиков периодически ловили то в городах рядом с горами, а то и в самих столицах. Впрочем, особых неприятностей дроу не доставляли, а эльфы народ неторопливый, ведь у них в запасе срок куда больше людского. Потому-то подготовка к войне и тянулась вот уже восемнадцать лет.

Когда Криста прибыла в Риджию, о тёмных немного подзабыли. При эльфийском дворе хватало своих интриг. Но когда с её помощью всех интриганов вывели на чистую воду – вспомнили снова.

– Ты поэтому отправилась к горам дроу? – хмуро поинтересовалась я, осознав, что помимо неземной красоты меня забыли одарить ещё и редкостной удачей. Только ею можно было объяснить, что человек с мозгами Кристи смог раскрыть хоть какую-то интригу. – Решила продолжить карьеру спасительницы эльфов, в одиночку разобравшись со всеми тёмными?

– Ну... я решила попробовать, как оно – странствовать по стране и помогать людям, – призналась Криста. – Остановилась в городке неподалёку от столицы. Там встретила девушку... её хотели насильно выдать замуж, и она попросила меня съездить в Тьядри, город рядом с горами. Передать письмо её возлюбленному. Я и поехала.

– А как же тебя к самим горам занесло?

– Там у возлюбленного этой девушки была маленькая сестра, она заболела, и для лекарства нужны были кое-какие травы...

– ...которые растут только в горах дроу, – закончила я. – А поскольку никто не торопился на тот свет, кроме тебя, то съездить за ними оказалось некому.

Криста уныло кивнула.

Вот всегда говорила Сашке, что нужно быть осторожнее с побочными квестами...

– Милосердие, как и любовь – опасная штука. – Я вздохнула. – Весёлые ребята эти дроу.

– У тебя уже есть план побега? – в голосе Кристи слышалась надежда.

Я покачала головой.

– Маловато информации. Так что после еды продолжим изучение риджийского, – и решительно взяла вилку. – Но сначала мне нужно, чтобы ты достала из шкафа в гостиной одну книгу...

За минувшую ночь все четыре листа, исписанных накануне, неведомым образом очистились от чернил. Меня это насторожило, но и порадовало – не было нужды просить у

колдуна новые. «Исторические записки» Криста взяла без проблем, так что дальше изучение риджийского двинулось несколько в другом направлении. Я читала, тыкая пальцем в незнакомые слова, а Криста выписывала их на пергамент с переводом.

И да, моё вольное истолкование изречений иллюранди таки оказалось верным.

После чтения я заставила сокамерницу говорить со мной на риджийском – не только на бытовые, но и на литературные темы. Как оказалось, Криста поразительно мало читала, употребляя в основном современные любовные романы, так что я решила пересказать ей «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал». Просто пересказать, довольно подробно. При желании можно было вытащить обе книги с ментальной полочки и поведать слово в слово, но на это ушло бы слишком много времени.

Конечно, я предпочла бы одно из сочинений Камю или Гегеля. Только вот урок обратился бы мучением и для Кристи, и для меня: ей – из-за сложности восприятия, мне – из-за трудностей перевода. А вот эти романы, как я и думала, пришлись сокамернице по вкусу. Слушала она, затаив дыхание, а на сюжетные повороты реагировала с очаровательной непосредственностью.

Если в процессе пересказа я понимала, что не знаю перевода какого-то слова, оно тоже записывалось на пергамент. Работа предстояла титаническая – ведь я запоминала убогую письменную транскрипцию кириллицей, но она зачастую не способна была передать всех тонкостей произношения. Большинство согласных, как и гласных, требовалось сглаживать и смягчать, но некоторые – нет. Та же «р» выговаривалась вполне себе твёрдо. А со слуховой памятью у меня дела обстояли далеко не так хорошо, как со зрительной – и приходилось порой по несколько раз повторять то или иное слово, прежде чем я выговаривала его правильно.

В конце концов Криста взмолилась о передышке, и мы всё же сыграли в шахматы. Сокамерница и правда играла отвратительно, в первой же партии попавшись в элементарную дебютную ловушку и проиграв на восьмом ходу. Другие две игры прошли не лучше, и, сдавшись, я позволила Кристе просто валяться на кровати, плача от тоски по своему принцу.

Периодически сокамерница прерывалась. Тогда меня удостаивали рассказами о лихом разоблачении заговорщиков и восторженными описаниями того, как прекрасен её Дэн.

– Его все любят, все! – разглагольствовала Криста, деликатно промокая слёзы уголком подушки. – Он истинный принц, достойный наследник престола!

– Угу, – рассеянно согласилась я, изучая переведённые «Записки» и разбираясь в законах риджийского словообразования. Повезло, что риджийский ещё проще английского. Падеж у существительных всегда один, даже притяжательного нет, а связь с другими словами достигается с помощью различных предлогов. У личных местоимений куча разных склонений, но их выучить несложно. Некоторые слова казались мне знакомыми, да и общий колорит напоминал языки из скандинавской группы... Даже жаль, что я никогда не задавалась целью стать полиглотом. Для моих нужд мне вполне хватало свободного владения английским, китайским и японским.

Неужели у риджийского действительно есть общие корни с каким-то из наших языков? Но откуда?..

– Он и у отца своего любимчик! А бедный Фаник... он очень старается быть похожим на старшего брата, но он слишком... мягкий, что ли? Да и мечом толком владеть не умеет, и вообще... Повелитель не особо его любит. – Криста сочувственно вздохнула. – Зато Дэна

обожают! Он мне сказал как-то... да, Повелитель ко мне замечательно относится, и он одобряет, что я невеста Дэна! Пусть я простой человек, и не принцесса, и не из Риджии...

На этом я предпочла отключить слух, пропуская её дальнейшие излияния мимо ушей.

После ужина мы продолжили, и, ложась спать, я вспоминала содержание как очередных четырёх пергаментов, так и «Записок». Они представляли собой нечто вроде дневника, который в разное время вели разные люди. Сегодня я прочла записи, датированные шестисотыми годами второй эпохи Риджии. Криста сказала, что это было четыреста лет назад, ещё до войны. Как оказалось, тогда дроу жили не под горами – но предпочитали ночной образ жизни и поклонялись лунной богине Тунгх. Тёмная прохлада и сияние звёзд были им милее солнечного света. Эльфы же, как объяснила Криста, больше почитали бога Солира, воплощение солнца. Люди уважали веру коренных обитателей Риджии, но сами возносили молитвы Четверым – богам, олицетворявшим четыре стихии, – а о божествах лепреконов и иллуранди ничего известно доподлинно не было.

«Записки» вёл придворный маг дроу. Человек. Удивительно, но человеческие маги издавна прекрасно устраивались и среди эльфов, и среди дроу. Магические возможности первых были весьма специфическими, в духе исцеления или управления растениями, а силы вторых ограничивались коварными колдовскими ловушками и особыми боевыми навыками. И только люди являлись магами в привычном смысле этого слова: черпали силы из природных стихий, могли изобретать боевые заклинания и создавать артефакты.

Неудивительно, что Тэйрант признал их право на существование.

Записки были призваны облегчить жизнь следующим придворным магам, которые, в свою очередь, тоже должны были фиксировать своё пребывание у дроу – в той же книге. Эпический труд в основном касался магических исследований, быта дроу и более-менее важных политических событий, например, встречи Повелителей или торгового контракта с лепреконами. Чтиво было интересное, хотя к настоящему имело мало отношения.

Закончила я на том моменте, как маг решил вернуться в земли людей, дабы коротать старость в обучении юных колдунов. Следующая запись велась уже другим почерком и, если верить Кристе, датировалась днём, с которого до Войны Пяти Народов оставалось пять лет. И правда, старый маг упоминал принца Тэйранта, наследника престола дроу. Умного, обаятельного, красивого юношу, любознательного и не по годам сильного.

Грустно было знать, что после этот мальчуган развяжет войну...

Не удержавшись, я перелистнула несколько страниц, забежав вперёд.

И не удивилась, узнав, что имя нового придворного мага – Ильхт.

Следующий день прошёл почти так же, как и предыдущий. Сперва – беседа с Лодом, потом – изучение риджийского, чтение «Записок» и шахматы с самой собой.

Колдун сдержал обещание. Кристу действительно трогать не стали, а вот меня вызвали для следующего тет-а-тета. Поскольку с утра от моей простуды не осталось и следа, я мысленно приготовилась к неприятной процедуре с кристаллами... но Лод об этом даже не заикнулся. Так что всё ограничилось тем, что я на пальцах объясняла ему, что есть компьютер и Интернет.

Получилось, по-моему, плохо – однако колдун всё равно остался доволен.

Наш разговор прервала его любовница. Приветливо улыбнувшись мне, венценосная дроу бесцеремонным тычком под рёбра заставила Лода подняться с кресла, после чего оба удалились наверх. Тогда я, усмехнувшись, вытащила шахматную доску: от общества Кристи

хотелось немного отдохнуть.

И, до самого обеда так и не дождавшись повторного появления сладкой парочки, отметила, что при побеге грех будет не воспользоваться подобной слабостью нашего тюремщика.

В спальне меня снова ждали тарелки, услужливо оставленные на столе. После еды мы с Кристой опять приступили к урокам риджийского. Пересказав сокамернице «Унесённых ветром» и пару романов Остин, я углубилась в чтение «Записок»... и вот тут, помимо кучи незнакомых слов, меня ждало кое-что интересное.

Ильхт из рода Миркрихэйр вёл записи не слишком часто. Складывалось ощущение, что у него есть более интересные занятия, так что перерыв между заметками составлял порой по полгода. Но постоянно упоминался Тэйрант, юный принц дроу. Он был ровесником Ильхта, прибывшего к дроу совсем мальчишкой, – обоим едва исполнилось семнадцать. А год спустя отец принца скончался, неудачно поохотившись на дракона, и в восемнадцать лет будущий Тэйрант Кровавый стал Повелителем дроу.

Чем дальше я читала, тем больше в записях сквозил дух будущего Ильхта Злобного. Ильхт восторгался красотой дроу, их привычками и обычаями. Он сетовал на то, что этот прекрасный народ не властвует над всей страной, а вынужден ютиться в предгорных землях. Он обвинял людей в том, что, давным-давно прибыв на чужую землю, они стали вырубать заповедные леса и теснить коренное население. Он понял, что люди – узурпаторы, навязавшие жителям Риджии свои правила и законы, а эльфы, дроу и лепреконы по доброте душевной позволили им это сделать.

А потом убедил в том же пятьдесят шесть человеческих магов, и одна из них стала его женой.

Я так и не поняла, Тэйрант ли навязал ему свои взгляды, или до всего этого Ильхт додумался сам. Но, как бы там ни было, в семьсот пятьдесят первом году началась война, а записи стали появляться чаще.

И с этого момента от читаемого даже у меня волосы встали дыбом.

Просто и буднично Ильхт рассказывал о том, как сегодня дроу «очистили» очередной город. Сколько человек они с Тэйрантом лично убили во время той или иной бойни. Как развлекались с пленниками рядовые дроу, пытками доводя несчастных до сумасшествия. Ильхт не то чтобы одобрял такое поведение, но понимал, что надо давать солдатам развешаться.

А потом...

– Криста, как переводится слово «крага»? – не поднимая глаз, спросила я.

– Ошейник, – откликнулась девушка, скучаяще вертевшая ручку в пальцах. – Записать?

– Ага.

Я продолжила продираться сквозь текст, уже догадываясь, о каких ошейниках собственного изобретения повествует Ильхт.

Поскольку Тэйрант и Ильхт не планировали уничтожать магов, они принялись искать иные методы борьбы с ними. Но магов проще убить, чем пленить. Чтобы они не доставляли неприятностей своим тюремщикам, нужно лишить их возможности колдовать, заблокировать их способности.

И Ильхт нашёл способ. Вывел невероятно сложную магическую формулу – и сотворил те ошейники, которые сейчас были на нас с Кристой. Они не только блокировали магический дар, но и карали болью за любую попытку сопротивления. Непокорного

пленника било нечто вроде электрического импульса, приводившего к параличу на несколько часов, после чего у большинства резко отпадало желание сопротивляться. А при попытке снять ошейник в горло узника вонзались острые шипы. Ильхт с сожалением отмечал, что смерть недолгая, но достаточно мучительная, чтобы...

Не в силах читать дальше, я захлопнула книгу.

Наконец осознав, о каком своём «предке» говорил Лод.

– Ты чего? – нахмурилась Криста, когда я встала из-за стола и прошла к постели.

– Пожалуй, с меня на сегодня хватит. Давай спать.

– Ты же обычно до отключки сидишь!

– Отдыхать тоже иногда надо.

Я легла, уставившись в потолок.

Да, Лод не соврал. Он и вправду усовершенствовал ошейники. Управление пленниками стало куда более... мягким. И простым. Хочешь не хочешь, а всё равно сделаешь то, чего желает твой тюремщик. Так сказать, добровольно-принудительно.

И попытка освободиться больше не приводила к моментальной гибели.

Только вот дела это особо не меняло.

Может, и Ильхт был похож на своего потомка? Приятным, улыбчивым снаружи? А внутри прятал гниль и чёрную сталь.

Значит, мнимое милосердие колдуна и правда лишь маска? Желание развлечься на свой лад?..

Криста улеглась рядом, блаженно зарывшись лицом в подушку, а я сжала кулаки.

Бежать. И как можно скорее.

Потому что нельзя находиться рядом с тиграми, которые в любой момент могут проголодаться.

Глава 3

Мастера игры за чёрных

На четвёртый день нашего заключения Лод возобновил свою работу с Кристой. И хоть в этот раз у сокамерницы хватило ума после пятого кристалла сказать «пожалуй, больше не стоит», по дороге в спальню её всё равно пошатывало.

Потом настало время нашей с колдуном беседы, не особо отличавшейся от предыдущих. Разве что меня допрашивали не о компьютерах, а о самолётах и метро.

И на сей раз, послушно отвечая на вопросы, я пристально наблюдала за наследником Ильхта Злобного.

К чему эта трогательная забота о моём здоровье? Почему он до сих пор не выкачивает из меня энергию? Хочет вызнать всё необходимое? Но я бы и так рассказала всё, что он прикажет, а под пытками поведала и то, чего сама не знаю.

Может, он всё-таки не...

Нет, нельзя искать ему оправдания. Нужно всегда готовиться к худшему, тогда удары судьбы покажутся не такими болезненными. А уж искать хорошее во враге – увольте.

Не собираюсь становиться героиней истории о стокгольмском синдроме.

– ...и как же они поднимаются в воздух? Если они такие огромные и целиком состоят из металла? – Светлые глаза колдуна лучились любопытством. Я уже заметила, что они меняют цвет, и сейчас в тон его новой рубашки отливали бледно-голубым. – Твоя предшественница так и не смогла этого толком объяснить.

Дарить потомку тёмного властелина такие глаза – преступление. Вспоминаешь о зеркале души и думаешь, что обладатель этих глаз не способен на большее преступление, чем в сердцах пнуть приставучую собачку. И то потом немедленно раскается и угостит собачку колбасой.

Впрочем, я никогда не верила этой поговорке.

– Там очень мощные двигатели. – Мне стоило некоторых усилий опустить взгляд. – Они заставляют его взлетать. А крылья разделяют поток воздуха так, что над верхней кромкой образуется область низкого давления... хм... а вы знаете, что такое давление?

– Мы же не совсем дикари, – усмехнулся Лод. – У нас есть лофтвоги. У вас они, кажется, зовутся барметрами.

– Барометрами. Так вот, над верхней кромкой образуется низкое давление, а под нижней – высокое...

И запнулась. Заметив то, чего не замечала раньше. Тонкое серебряное кольцо на указательном пальце правой руки колдуна, с мудрёной рунной насечкой, выполненной золотом.

Перед глазами мгновенно всплыла отчётливая, чуть размытая дымкой близорукости картинка: решётка в темнице, рука принца, взявшаяся за один из прутьев...

С точно таким же кольцом.

Я сделала вдох, пока мысли сами собой бежали в нужном направлении, подбрасывая другие воспоминания и другие картинки.

Рисунок рун на наших ошейниках. Он почти полностью копирует насечку на кольцах. А «мэнэзжиру» когда-то удалось убить двоих дроу...

Сопоставить факты было нетрудно.

Кольца! Вот что повелевает ошейниками. И, похоже, их всего два: у колдуна и у принца. Потому-то они и имеют над нами власть, ведь другие дроу, видимо, не могут отдавать пленникам магические приказы.

Следовательно, достаточно каким-то образом раздобыть кольца, и...

– Снежана?

– Ах, да. Простите, задумалась, – спохватилась я. – Да... давление! Под нижней кромкой образуется область высокого давления, крыло выталкивается вверх, и самолёт поднимается...

Во взгляде колдуна застыло пытлиное удивление.

Нет, нельзя, чтобы он понял.

Я взяла себя в руки – и до прихода Морти вела себя как обычно. Не молчала, думая о своём, но и больше обычного не болтала. Вроде бы Лод успокоился, а с появлением любовницы и вовсе обо мне забыл.

Только вот я ничего не забыла.

– Криста, иди в ванную, – велела я, ворвавшись в комнату.

– Зачем? – Сокамерница сонно потянулась, восстанавливая силы после новой порции кристаллов.

– Примем душ.

Глаза девушки округлились:

– Что, вместе?

– Да, вместе.

Бесцеремонно сдёрнула её с кровати и поволокла в ванную.

И у стен есть уши. Особенно у вражеских стен. Я не могла обезопасить нас во время моих занятий риджийским, но если тюремщики узнают о моём знании языка – это полбеды.

А вот доверить им то, что я знаю о кольцах, никак нельзя.

Прикрыв дверь, я выкрутила все вентили. Когда комнату огласил шум воды, усадила Кристу на эмалированный бортик, приблизила лицо к её уху, для надёжности прикрыв губы ладонью.

И прошептала:

– Я поняла, с помощью чего можно управлять ошейниками.

Кристины брови в изумлении поползли вверх.

– И как? – спросила она. Тоже шёпотом.

Я знала, что за шумом воды нас невозможно расслышать.

– Кольца. У принца и у колдуна есть по одному кольцу, которые связаны с ошейниками. Если заполучим кольца, сможем освободиться. Думаю, – честно добавила я.

– Думаешь?!

– Конечно, прежде чем действовать, я постараюсь всё проверить. Но это уже зачатки плана, а я обещала сообщить, как что-нибудь придумаю.

Криста задумчиво закусил капризно изогнутую губку. Потом грустно кивнула.

– Это, конечно, хорошо, но у нас осталось всего три дня.

– Почти столько же, сколько было. Ещё полно времени. Верь мне.

И я решительно прикрутила вентили.

После обеда снова пришло время опротивевших мне «Записок». Я пролистала записи до самого конца войны, но Ильхт даже не упоминал о кольцах. Быть может, их тоже придумал

Лод в качестве усовершенствования? Это несколько осложняло задачу — ведь проверить верность своей догадки я не могла. А значит, придётся действовать другими методами и искать другие книги.

Последним я и собиралась заняться, когда пересказала Кристе «Собственника»^[14], запомнила ещё три пергамента риджийских слов и вышла в гостиную.

Где меня ждал сюрприз.

— А, Снежана, — радушно улыбнулся Лод, восседавший за столом в компании своей любовницы, Повелителя дроу и шахматной доски. — Как раз вовремя. Кажется, ты обещала как-нибудь со мной сыграть?

Алья сидел напротив колдуна, со стороны белых. Лод играл чёрными. Машинально оценив ситуацию на доске, перевеса в чью-либо сторону я не заметила. Морти сидела чуть поодаль, поигрывая метательным ножичком, зажатым между пальцев.

Принц покосился на меня. Окинув безразличным взглядом мои босые ноги и нищенский наряд, вновь воззрился на доску.

— *Фу сагнир саз?* — процедил дроу, и я перевела вопрос как «что ты сказал ей?».

— *Ех виль гьерра саз мев мьер смилав*, — откликнулся колдун.

«Хочу, чтобы она со мной сыграла».

— *Вэхь, вэхь, вэхь*, — ухмыльнулся принц.

И хоть перевода этих слов я не знала, но поняла, что это нечто вроде «а, ну-ну».

Морти встала с кресла, жестом пригласив меня занять освободившееся место.

— Извините, — произнесла я как можно вежливее. — Настроение не шахматное.

— И зачем же тогда ты вышла, если не за шахматами? Других занятий здесь у тебя вроде бы нет. Но если ты хотела сыграть одна, то почему не хочешь играть со мной?

А ведь прав, зараза.

— Я... просто не хочу. Не с вами. Простите. — Я выдавила из себя улыбку, надеясь, что она вышла извиняющейся. — Мы всё же не друзья, сами понимаете.

В его улыбке не было обиды.

А вот угроза — была.

— Лучше соглашайся, — сказал он. Почти ласково. — А то я и приказать могу. Ты же знаешь.

Я застыла, чувствуя, как гнев медленно поднимается от сердца к напрягшемуся горлу и покрасневшим щекам. Ироничный взгляд Морти и презрительный — Алья лишь усугубляли ситуацию.

Никогда не думала, что придётся ощутить себя чужой куклой. Захотели поиграть — взяли с полки, и плевать на твоё согласие. Надоела — бросили в одиночестве.

Значит, хочешь поиграть, дорогой кукловод? Ладно. Поиграем.

Только вот ты этому не обрадуешься.

Когда я, шурясь, всё же села в кресло, все трое мигот потеряли ко мне интерес. Морти отошла в сторонку и метнула кинжал в мишень для дротиков, попав в десятку, принц дроу забрал чёрного коня, колдун, поддавшись на элементарную ловушку, съел его пешку — и оказался под угрозой мата в один ход от белого ферзя.

— *Мирлист мьер и тах фер*, — усмехнулся Алья, когда Лод задумчиво склонил голову.

«Похоже, мне сегодня везёт».

— *Сьял*, — рассеянно проговорил колдун, делая следующий ход, вроде бы никак не спасающий положения. Белый ферзь принца всё равно забрал чёрного коня, и теперь от

вражеского короля его отделял единственный ход и одна жалкая пешка.

«Посмотрим...»

И тут я увидела, какую грандиозную ловушку расставил колдун.

Махнув ладью почти через всю вертикаль «е», Лод забрал вражеского коня – и оказался прямо перед белым королём.

– Мат, – произнёс он на русском.

Принц лихорадочно устранил ладью вторым конём, но поздно – атака захлебнулась. А я уже видела продолжение изящной комбинации чёрных: пожертвовать ферзём, развязав себе руки, двумя слонами загнать белого короля в угол – и...

– Шах и мат, – мрачно проговорил Алья, поднимаясь из-за стола. – *Хэпин гёйринн*.

Похоже, в цензурном варианте это означало «счастливчик». По крайней мере, «хэпин» переводилось как «везучий», а вот «гёйринн»... слово было незнакомым – но, судя по тону принца, явно служило местной альтернативой чему-то вроде «засранца».

– *Гёвур лэйкур*. – Лод кивнул на свободное кресло, и фигуры сами собой вернулись на исходные позиции. – Прощу, Снежана.

«Хорошая игра». Не поспоришь. Довольно умно пожертвовать качеством фигур, ради победы разменяв двух коней и ферзя.

И впрямь хорошая игра.

Для того, кто играет с недальновидным противником.

– *Ог хвав эрту ас рэйна ас санна?* – поинтересовалась Морти, когда мы с принцем поменялись местами. Снова метнула кинжал, неизменно попав в десятку, но миг спустя оружие неведомым образом вернулось в её ладонь.

«И что ты хочешь этим доказать?»

– *Эккьерт. Эн ех мун эки гефаст урт*. – Колдун улыбнулся мне. – Ходи.

«Ничего. Но поддаваться я не буду». Станные слова. С чего Лод должен мне поддаваться?..

Впрочем, не суть важно.

Я размяла пальцы, мстительно хрустнув костяшками.

И шагнула белой пешкой на е4.

Я разгадала стиль игры колдуна: он был близок мне самой. Смелая, рискованная, комбинационная игра. Грандиозные многоходовые ловушки. Он загонял противника в ситуацию, когда тот не мог пойти иначе, чем ему уготовано. Он понимал ценность каждой фигуры и, понимая это, не боялся ими жертвовать.

Но я знала, что нужно этому стилю противопоставить.

Поэтому за семнадцать ходов всё было кончено.

– Шах и мат, – сказала я, удовлетворённо откидываясь на спинку кресла.

И ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем тяжёлое молчание колдуна напротив меня, принца – рядом, и дроу, которая сидела и наблюдала за игрой, прислонившись спиной к стене.

Комбинационный стиль легко контрить быстрой, агрессивной позиционной игрой. Не давать противнику действовать по его правилам, навязывая свою игру, ломать все комбинации, вынуждая к быстрому маневрированию, атаковать немедленно, молниеносно и яростно – и ему конец.

Я знала это, потому что когда-то так обыгрывали меня.

Молчание наконец разбили негромкие хлопки.

– *Ва! Ех са локс Лод глатафур!* – воскликнула Морти, смеясь и аплодируя.

«Ничего себе! Я наконец увидела, как Лод проиграл!»

– *Ех сагли фьер, саз хун эр мьох клар,* – невозмутимо откликнулся колдун.

«Я же говорил, она очень умна».

– *Эрту кларари?* – недоверчиво качнул головой принц, внимательно следивший за поединком.

«Умнее тебя?»

– *Ну финна ут.* – Лод безмятежно улыбнулся мне: «Сейчас выясним». – Ещё одну?

Я улыбнулась в ответ:

– Вам одного поражения не хватило?

Но за улыбкой прятала озадаченность.

Колдун говорил, что я очень умна? Что...

– Мне не хватило одной партии с достойным противником, – поправил Лод. – Если выиграешь, проведу тебе... как это... экскурсью по дворцу и по городу. Даже ненадолго из-под гор могу вывести.

– А если проиграю?

Его улыбка стала шире.

– Тогда перестанешь притворяться дурочкой и прикидываться, что не понимаешь, о чём мы говорим.

И по спине пробежал обречённый холодок.

Значит, всё-таки подслушивали...

– И откуда вы знаете? – Отпираться я не стала. Это было бы глупо, особенно учитывая, что я подозревала подобный исход.

– Даже если бы ошейники не позволяли мне наблюдать за всеми вашими действиями, а пергаменты не отражали все записи на копиях, которые лежат у меня... глупо было бы полагать, что при твоём уровне интеллекта ты предпочтёшь сидеть беспомощной. Всё равно что глухой.

– Шахматы – не всегда объективный показатель интеллекта.

Я ругала себя за глупость. Он ведь говорил, что может в любой момент узнать, где мы! А я и не предположила, что ошейник можно использовать в качестве камеры наблюдения, думала, скорее как маячок, навигатор...

Да и со свитками хорошо придумано. Хотя мне сразу не понравилось, что они очищаются сами собой.

– В данном случае – очень объективный. И ты проявила себя... как я и рассчитывал. – С губ колдуна сорвался тихий смешок. – Играем?

Он заставил меня разозлиться, чтобы я обыграла его. Он хотел, чтобы я показала своё истинное лицо – и, отбросив мягкость прежнего обращения, раззадорил меня приказом. Зная, что я этого не вынесу, зная, что после этого я сорву свою маску и сделаю всё, чтобы поставить его на место. Его, который, если верить Морти, до того никогда не проигрывал.

Он просчитал мои действия, выстроил комбинацию – и осуществил её. Безупречно, как на шахматной доске.

А он действительно умён.

Вот только зачем ему всё это?..

Из задумчивости меня вывел глухой деревянный стук. Дроу снова развлекалась с метательным ножом и мишенью.

Что ж, обставить колдуна второй раз вряд ли составит большого труда. А если он сдержит обещание насчёт экскурсии...

– Игруем, – сдержанно кивнула я.

Фигуры расставились по местам. Доска сама собой повернулась, предоставив мне право ходить чёрными.

А потом Лод весело произнёс:

– Только теперь немного поменяем правила.

– В смысле?

Колдун щёлкнул пальцами.

И достал из воздуха две широкие шёлковые ленты.

– Сыграем вслепую.

Увидев ленты, принц присвистнул. Морти застыла, заведя руку с кинжалом для очередного броска.

Даже я оторопела, чего уж там.

– И кто будет двигать фигуры? – вырвался у меня свистящий выдох. – Простите, но вашим друзьям я не доверяю.

– Ты и правда думаешь, что я создал обычную доску? – Лод демонстративно сложил руки на коленях. – Конь b1 на c3.

Но я мотнула головой, даже не дождавшись момента, когда белая фигура, подчинившись словам колдуна, сама собой скакнула на указанную клетку.

Он не может всерьёз предлагать мне сыграть вслепую. Он же не потянет, величайшие гроссмейстеры зачастую не тянули! Концентрировались на той части доски, где сейчас происходит действие, упуская остальное, – и это признанные мастера, игравшие с детства, годами тренировавшие память.

Что-то здесь не так. Здесь кроется какой-то подвох, и понять бы...

– Снежана, зачем мне жульничать? В случае проигрыша я не теряю ничего особенного, в случае выигрыша – ничего особенного не приобретаю. – Лод развёл руками, и, повинаясь его движению, конь вернулся на исходную позицию. – А вот ты...

А вот мне очень надо прогуляться по дворцу, разнюхав расположение выходов, и по городу – чтобы узнать, как выбраться из-под гор.

Не поспоришь.

– Ладно. – Я равнодушно сняла очки и кладя на стол. – Давайте свою повязку.

Ленты поручили завязывать Морти. Вначале дроу занялась колдуном – пока Алья наблюдал за происходящим с таким заинтересованным видом, будто для полного счастья ему не хватало только попкорна.

– *Хилва, Морти*, – нетерпеливо сказал Лод девушке, колдовавшей с узлом на его затылке. – *Альхт айтти ас вейра сангьярн*.

«Туже, Морти. Всё должно быть честно».

Как я и думала, дроу не прочь была бы подсудить любовнику.

Девушка в ответ виновато улыбнулась. Затянув узел как положено, поцеловала колдуна в щёку. Надо сказать, с чёрной повязкой на глазах тот смотрелся... интересно.

И откуда у него эти ленты?..

Конечно, Лод мог играть на публику, а на деле его повязка так и осталась ослабленной, открывая обзор. Конечно, он мог наколдовать себе зрение сквозь ткань... но зачем тогда ему вообще связываться с повязкой? Он вполне мог завязать глаза мне одной. Я же кукла,

игрушка, он вправе делать со мной всё, что хочет, и плевать ему на моё мнение о том, что это нечестно.

Нет, похоже, он и правда хочет сыграть вслепую. Узнать предел своих возможностей: своих – и моих. Теперь, когда ему наконец встретился достойный противник. И эта партия для него – дело принципа.

Да только я всё равно не понимала, зачем ему это.

Дроу занялась мной, и вскоре мир перед глазами скрылся в плотной шёлковой черноте. Ничего, я часто разыгрывала партии в уме. С моей-то памятью... а вот колдуну придётся нелегко.

Ладно. Если он так хочет – добавлю в его коллекцию ещё одно поражение.

– Готова?

– Да.

С завязанными глазами собственный голос слышался странно, будто бы со стороны.

– Отлично. Пешка e2 на e4.

...только вот скоро выяснилось, что насчёт поражения я фатально заблуждалась.

Лод не просто прекрасно представлял перед глазами доску – он мгновенно подстроился под другой стиль игры. Поняв, что я не попадаюсь в его ловушки, больше не выстраивал комбинаций, наращивал позиционное преимущество маневрированием, потихоньку, осторожно, не рискуя. Моя агрессия встречала глухую оборону. Мои ловушки просчитывались и игнорировались.

Мы оба логично, холодно и последовательно сковывали действия вражеских фигур и умело координировали манёвры собственных, пытаюсь загнать войска противника в «котёл»^[15]. И оба потихоньку, без видимых преимуществ разменивали одну фигуру за другой.

Игра затягивалась. В черноте перед глазами плыли разноцветные пятна, живот начинал заискивающе урчать, моля об ужине, но мне было плевать – жаркая волна азарта захлёстывала с головой, оставляя мысли кристально ясными. Я не помнила, когда в последний раз получала такое удовольствие от игры. Среди знакомых не было хороших шахматистов, в сети редко попадались достойные противники, и даже самая высокая сложность противостояния с компьютером давно уже не доставляла серьёзных неприятностей. А уж о партии вслепую я могла только мечтать.

Но Лод...

С ним я чувствовала – впервые в жизни, – что каждый ход, каждый миг хожу по лезвию ножа.

И понимала, что мне это чертовски нравится.

На сто двадцать седьмом ходу, после того как колдун забрал мою последнюю пешку, у нас осталось по две фигуры – король и слон, и я уже знала, чем всё закончится.

– Король на f7, – сказала я, сделав ход на ментальной доске перед моими глазами.

– Король на f5, – почти мгновенно откликнулся Лод.

Я знала, что он тоже знает.

– Слон на c7.

Мягкий стук мрамора по мрамору, потом – мрамора по дереву. Я забрала последнего слона Лода, и фигурка спрыгнула прочь с доски.

– Король на d4, – произнёс колдун.

Я услышала, как фигура сделала ход.

И промолчала.

Игра окончилась. У него осталась одна фигура, у меня – две... но их было недостаточно, чтобы поставить мат.

– Ничья, – сказала я.

– Ничья, – согласился мой противник.

Я стащила повязку на лоб, увидев, как Лод делает то же. Нашарив на столешнице очки, вернула их на переносицу. Наконец посмотрела на доску – точно такую, какой я её себе представляла.

И облачно-серая прозрачность глаз колдуна сияла так ярко, так тепло, что мне стало ясно: он ждал этого всю свою жизнь. Как и я.

Потому что впервые мы встретились с кем-то, равным себе.

Он добивался доказательства. Доказательства того, что он не ошибся. Что странная, невзрачная девочка из другого мира, за три дня выучившая чужой язык, действительно так умна, как ему показалось. Так же умна, как и он.

Принц откинулся на спинку кресла со странным смешком, Морти, примостившаяся на краешке стола, тихонько прыгнула на пол, – и я поняла, что за всё время поединка оба не издали ни звука.

– *Лискен, фу ерт герф фирир хверт анназ*, – развязывая узел на повязке колдуна, серьёзно произнесла дроу, заставив меня покраснеть.

«Слушай, да вы созданы друг для друга...»

Смешно.

– *Мьох фэнтихь*, – отмахнулся Лод: «Очень смешно». – Что ж... будем считать, мы оба обязаны выполнить обещанное?

Я вздохнула. И старательно произнесла:

– Как хотите.

Но на риджийском это прозвучало как «*эйнс ог фу вильт*».

Услышав родную речь из моих уст, Морти изумлённо расширила глаза, – а вот принц лишь усмехнулся и поморщился:

– Произношение, как у лошади.

Я не обиделась. В конце концов, сама прекрасно знала, что риджийский, особенно устный, мне ещё учить и учить.

Хотя, честно говоря, Криста в последнее время уже почти меня не поправляла...

– Брось, Алья, ты до сих пор даже «шах и мат» не можешь правильно выговорить, – хмыкнула Морти, возившаяся с моей повязкой. Укоризненно качнула головой. – А ведь как убедительно притворялась, что меня не понимает!

– Ладно, Лод. – Принц, зевая, поднялся с кресла. – Я рад, что твоя новая зверушка оказалась довольно умна, но мне пора. – И плотоядно улыбнулся мне. – Раз уж ты понимаешь мои слова, передай подружке, что наше свидание состоится совсем скоро. Пускай готовится.

Взметнув длинными, ниже лопаток, волосами, Повелитель дроу удалился, смыв всю мою радость ледяной волной пренебрежения.

– Милый братец, – качнула головой Морти, наконец справившись с лентой. Тут же забыв о моём существовании, отвернулась и тронула Лода за рукав. – Пойдём? На сегодня с меня хватит шахмат.

Последнее слово, перекочевавшее в риджийский из русского, она выговорила забавно: «шахмэт». Да, права была Криста – у всех, кроме Лода, не только с нашими именами, но и с нашим языком проблема...

– Да, пожалуй. – Колдун взял дроу за руку, и пальцы их переплелись: белые, как слоновая кость, и пепельные, как серый жемчуг. – До завтра, Снежана, – добавил Лод на русском, щелчком пальцев заставляя повязки исчезнуть. – И убери доску, если больше не будешь играть.

Я проводила парочку взглядом.

Потом яростно смела фигуры в корзину, едва удержавшись от того, чтобы не швырнуть доску следом.

Чему ты обрадовалась, дура? Сыграли одну хорошую партию, и растаяла. Тьфу. Победа в шахматах не меняет того, что ты – пленница дроу. Сволочей, равняющих тебя с комнатной собачкой. И Лоду на тебя плевать, а острый ум делает его лишь более опасным тюремщиком. Надо не о шахматах думать, а о том, как раздобыть кольца.

И о том, сколько их нужно – оба или только одно.

Желудок уже пульсировал голодной болью, но я всё равно перерыла весь книжный шкаф в поисках полезных томов. Прихватив пару магических трактатов, явно написанных местными колдунами, направилась в спальню, надеясь, что Криста не съела мою порцию.

Как выяснилось, не съела, зато снова билась в истерике.

– Ты играла с ним в шахматы?! – взвилась она, как только за мной закрылась дверь. – С этим садистом и его дружком-извращенцем?!

– Играла. – Кинув толстые тома прямо на пол, я набросилась на еду. – А ты, значит, наконец набралась смелости, чтобы подглядывать?

– Немножко. – Криста, похоже, смутилась. – А кто эта... девица, которая была с ними?

– Любовница колдуна, – прошамкала я с набитым ртом.

Криста внимательно следила, как я ем.

– И что случилось? – осведомилась она.

– С чего ты взяла, что что-то случилось?

– Ну, ты втыкаешь вилку в мясо так, будто это чей-то глаз.

Я остервенело насадила на серебряные зубчики кусок картошки.

– Просто голодная.

И представила на месте картошки палец принца – с кольцом.

Я просидела над книгами почти всю ночь, выискивая в них что-нибудь полезное. Пролистав те, которые уже взяла, сходила в гостиную за другими – без толку. Криста легла спать без меня, и о значении некоторых слов приходилось догадываться по общему смыслу, но в любом случае там не обнаружилось ничего ни про ошейники, ни про кольца.

На всякий случай я пролиستала «Записки» до конца. Заметки Ильхта обрывались накануне генерального сражения с людьми и эльфами, и дальше их вёл его ученик, который вкратце описал исход битвы.

«Лепреконы зашли сзади, и наше войско оказалось между молотом и наковальней, – писал он. – Повелителя убили. Мастер Ильхт погиб, защищая его тело. Он успел приказать нам отступать, но лишь тридцать из нас спаслись. Мы не сможем обеспечить Мастеру достойное погребение, а проклятые светлые наверняка осквернят его останки, однако дело его будет жить...»

Действительно, будет. Я уже успела убедиться. «Проклятые светлые»... ха, и кто тут на самом деле проклят?

Ещё ученик Ильхта писал, что теперь для уцелевших «дело чести помочь вдове Мастера

и вырастить его дочь так, как это сделал бы её собственный отец. У неё есть Дар, и он велик. Быть может, впоследствии она выберет кого-то из нас в мужа и не даст роду Миркрихэйр оборваться».

Судя по живому и здоровому Лоду – так оно и получилось.

По «Запискам» я поняла, что маги жили в среднем вдвое-втрое дольше обычных людей. Сто лет для них – расцвет сил. Таким образом, хоть с Войны и минуло уже триста лет, Лод вполне мог быть всего-навсего правнуком Ильхта. А теоретически где-то ещё можно найти живых участников решающей битвы.

Почерк тех, кто вёл записи, менялся ещё четыре раза. Порой встречались упоминания о попаданцах, но маги лишь удивлялись, что за странную легенду придумали светлые для своих шпионов: из другого мира они, видите ли! И отмечали, что у всех наблюдается необычайной силы колдовской дар, с которым, по счастью, всё же справляются ошейники Ильхта...

М-да. Похоже, только мне повезло не получить приятных бонусов при переходе в другой мир. Как утопленнику. Каковым я, в принципе, и являлась. Приятно, конечно, в очередной раз быть исключением из правил, но, если честно, в данном случае я предпочла бы оказаться среди банального большинства.

И никаких подробностей по поводу ошейника. Впрочем, для магов, которые вели записи, всё было понятно. А вот почему Ильхт в своё время не записал всех тонкостей? Попросту объяснил ученикам на словах? Скорее всего. А даже если б записал – вряд ли бы при уме Лода эту книгу оставили в шкафу, куда могут добраться пленницы.

При уме Лода...

И тут я поняла, что и эту книгу вряд ли оставили в шкафу случайно.

Последнюю запись сделали восемнадцать лет назад. Писавший констатировал, что сегодня отбывает на «переговоры, которые должны перевернуть всю эту глупую, прискорбную ситуацию, чтобы народ дроу вновь занял свои законные земли». Он сожалел, что его маленький сын (по имени Лодберг) не сможет присутствовать на этом историческом событии, как и дети Повелителя (наследный принц Альянэл, принцесса Мортиара и маленькая принцесса Литиллия). Но дело довольно опасное, ведь неясно, на что способны эти светлые...

Следующие страницы были девственно-чистыми, однако я уже знала, чем окончились эти переговоры.

Значит, отец Лода принимал участие в резне, о которой рассказывала Криста. А Лод отхватил себе в любовницы сестру Повелителя, и тот как будто не против...

Третью сестру, Литиллию, я пока не видела, но, может, и она как-нибудь заглянет посмотреть на шахматную партию Лода и Альи.

Отчаявшись найти что-то действительно полезное, я всё же отправилась спать. Утро вечера мудренее, и мудрость сейчас пригодилась бы. Ещё как. Время поджимало, а я так и не придумала, как же вызнать необходимую информацию.

Но утром, когда после завтрака мы с Кристой вышли в гостиную, меня снова ждал сюрприз.

– Доброе утро. Криста, садись. А ты, Снежана, возьми вот это. – Лод, сидевший на привычном месте, протянул мне аккуратную стопку с одеждой. – Переоденься. Сапоги найдёшь в шкафу, надеюсь, они тебе подойдут.

– Зачем? – подозрительно поинтересовалась я.

– Потому что платья, судя по всему, оказались тебе не по размеру. А в таком виде, – колдун смерил меня взглядом, – разгуливать по столице... неправильно. Да и босиком далеко не уйдёшь.

Ушам своим не верю.

– Вы покажете мне... то, что обещали?

– Ты ведь выполнила свою часть сделки. Почему я должен был не выполнить свою?

Криста переводила изумлённый взгляд с колдуна на меня и обратно, пока я недоверчиво брала предложенную одежду.

Он действительно сдержит слово? Так скоро?..

– Уходим сразу, как я закончу с Кристой, – добавил Лод. – Так что поторопись.

В стопке оказался льняной корсаж под грудь, блузка без ворота, высокие чулки и бархатная юбка – чуть ниже колена. Удобно. Блузка белая, с короткими рукавами-фонариками, а юбка и корсаж – шоколадные, под цвет моих волос или оправы очков.

Одежда села, будто на меня и шили. Да и длинные, до колена, замшевые сапоги оказались впору. Конечно, я предпочла бы штаны, да и чулки никогда в жизни не носила, но... в прежнем наряде действительно в город не сунешься, так что придётся надеть, что дают.

Пока я ломала голову, как бы самостоятельно затянуть заднюю шнуровку корсажа, в комнату ворвалась Криста.

– И куда это вы с ним собрались? – без обиняков спросила она, захлопнув дверь.

Какая бодрая. Либо Лод её сегодня пощадил, либо от возмущения сил прибавилось.

– Лод обещал показать мне дворец. И город. И... возможно, он выведет меня из-под гор. Посмотреть, что там, наверху. – Я бросила корсаж на кровать. – Вчера я обыграла его в шахматы, и он...

– Лод? – Криста рыбкой разинула рот. – Ты зовёшь его по имени?

– Я... ну да.

Я сама впервые с удивлением осознала этот факт.

– Понятно всё. – Криста сощурилась. – Ну да, принц-то гадина страшная, а колдун вроде ничего. На безрыбье...

До меня даже не сразу дошло, что она имеет в виду.

– Что? Да нет, это вообще ни при чём! – Я сердито замахала руками. – Я... у него любовница есть, а у меня в Москве...

– Кто у тебя в Москве, того ты всё равно уже никогда не увидишь. А когда это мужикам даже законные жёны мешали налево сходить?

– Да ему на меня плевать! И мне он не нравится! Ни капельки! Ясно? Я вообще домой хочу, к Сашке! А для начала – сбежать, и чтоб все эти сволочи тёмные подавились!

Перевела дыхание, тяжело дыша, глядя на притихшую Кристу.

И взяла себя в руки.

– Когда сбежим, тогда буду думать, что делать дальше, – уже спокойно закончила я. – Но первоочередная моя цель – оказаться подальше от дроу. И от колдуна тоже.

Криста вдруг с облегчением улыбнулась:

– Ладно, извини. Я просто подумала... если этот колдун решил тебе мозги запудрить, чтобы ты бежать раздумала... ерунда. – Она подхватила брошенный мною корсаж. – Давай

помогу.

В конце концов Криста благополучно затянула шнуровку. Не сильно, ведь это всё-таки был корсаж, а не корсет, но результат мне понравился.

То ли из-за утяжки, то ли из-за того, что корсаж был под грудь – блузка интригующе вздымалась там, где у меня самой вздыматься было решительно нечему.

– Хорошо выглядишь, – удивлённо проговорила Криста.

– Спасибо на добром слове...

Хотя чего раздражаться на её удивлённый тон? Прекрасно же знаю, что лицом не удалась, а ниже шеи похожа на мальчишку. Плечи сутулые, груди нет, бёдра узкие, талии почти не видно. Ноги-спички, не слишком-то длинные и не слишком-то прямые. Хорошо хоть худая, а то представляю, как бы моя фигура смотрелась в утолщённом варианте. Шкаф в нашей комнате и то казался бы симпатичнее.

Даже удивительно, что местная одежда пришлась мне впору. Пока я видела лишь одну дроу, но она-то отличалась завидными параметрами...

Напоследок велел Кристе сидеть в комнате и не нарываться на неприятности, я вернулась в гостиную.

– Собралась? Отлично. – Лод, прислонившийся плечом к каминной полке, одобрительно кивнул. – Смотрю, одежда подошла?

– Да. Спасибо.

– Благодарю Морти, не меня. – Голос колдуна окрасила странная, едва заметная горечь. – Это вещи её сестры.

Я нахмурилась. Мне одолжили одежду младшей принцессы? С чего вдруг такая щедрость?..

– Идём. – Накинув поверх рубашки кожаную куртку, Лод повёл меня к узкой винтовой лестнице, по которой несколько дней назад мы поднялись в эту башню. – Только не отставай.

Дворец дроу оказался не таким и большим – всего в три этажа, да по углам расположились четыре высокие башни. Одну занимал Лод, другую – темнейшее семейство, в третьей проводили государственные советы, а в четвёртой устроили библиотеку. В качестве внутренней отделки дроу предпочитали серебро и чёрный мрамор, а потому убранство дворца блистало каким-то мрачным шиком – в отличие от покоев колдуна.

Лод любезно повёл меня по широким коридорам с высокими потолками и большими окнами, спокойно и неторопливо повествуя, что скрывается за боковыми дверьми. По пути мы не встретили ни души.

– ...эта ведёт в обеденный зал. Кухня находится под ним, на первом этаже. Здесь вход в женское крыло, там живут достольсинс... на вашем языке – придворные дамы. А вот и дверь в башню Повелителя.

– Почему возле неё нет стражников?

– Они не нужны, – пожал плечами Лод. – Проникнуть в город почти невозможно. Если даже удастся, то моих охранных систем на входе во дворец вполне достаточно. В самом крайнем случае Алья сам прекрасно постоит за себя... а Морти поможет.

– Но если на его жизнь покусятся кто-то из своих?

Колдун покосился на меня, и взгляд его холодила ирония.

– Если вы пережили кораблекрушение и оказались в маленькой шлюпке посреди огромного недружелюбного океана – лишь глупец попытается улучшить эту ситуацию, пробив дыру в днище.

Я усмехнулась. Бедные, несчастные дроу! Сейчас расплачусь. А как насчёт того, что свой корабль они потопили сами?..

– А дроу, стало быть, не глупы, – сказала я.

– Отнюдь.

По широкой витой лестнице спустившись на первый этаж, мы подошли к огромным двустворчатым дверям, ведущим в сад.

– Дай руку! – Колдун протянул мне ладонь.

– Зачем?

– Затем, что разрешение на выход я тебе давать не собираюсь, а иначе охранные чары тебя не пропустят.

– Разрешение?..

– Во дворец можно войти лишь по моему приглашению. Или приглашению Альи. И выйти без нашего разрешения никак нельзя. Разрешение звучит как строго определённая последовательность слов, – усмешка, – которую я тебе, конечно же, не скажу. Так что, дашь мне руку?

Я покорно вложила свою ладонь в его. Пальцы у колдуна были сухие, крепкие, не слишком длинные, но изящные. Совсем не такие, как у Сашки, которому достались тонкие, вытянутые пальцы музыканта.

Только вот почему-то от прикосновений к рукам Сашки меня никогда не било нервным током, пробежавшим от кончиков пальцев куда-то к плечу.

Когда мы переступали порог, меня будто окатило холодной водой, но тело осталось абсолютно сухим.

– Это и есть ваши охранные системы? – спросила я, когда мы вышли в сад. – Это ощущение...

– Да. – Колдун незамедлительно отпустил мою руку, чему я была рада. Уж слишком странной оказалась реакция на его прикосновение.

– И что, такое на всех дверях из дворца?

– Да. И на садовой ограде тоже.

Я качнула головой. Может врать, конечно... но если не врёт, это сильно осложняет дело.

Получается, нужно либо обманом, либо принуждением разводить его на нужные слова – но какие? И как?..

Мы шли меж светящимися розами, извилистыми каменными дорожками. Полюбовались блёклыми деревьями, похожими на яблони, и чёрным прудом посреди сада, поросшим пепельными листьями кувшинок. Потом Лод подвёл меня к резным чугунным воротам, ведущим в город, где мне пришлось снова позволить взять себя за руку.

И пережить второй удар тока, осевший трепетным теплом где-то в груди.

Да что со мной такое, чёрт возьми?

Уже знакомое ощущение водяной завесы – и мы вышли в город дроу.

Над улицами, мощёнными тёмным камнем, тянулась сверкающая сеть фонарей. Мы шли мимо небольших, прекрасно отделанных особняков с тонкой резьбой на беломраморных стенах. Интересно, но вокруг них не было серьёзных оград, лишь низенькие, по пояс, каменные заборчики, отделявшие улицу от садилов, окружавших дома. В вечной тьме они порастали высокой серой травой и светящимися розами, и цветами, похожими на ирисы, тоже сиявшими во мраке. Там и тут рассыпали брызги мраморные фонтаны, и мозаичные садовые дорожки покрывал тонкий слой воды. Должно быть, по ним приятно шлёпать

босиком – словно по ручью вброд.

Из открытых окон неслись обрывки разговоров, весёлые крики, детский смех. Где-то играли на флейте. В одном окне я увидела девушку-дроу за ткацким станком. Низким, грудным, бархатным голосом она напевала песню на риджийском. Жителей на улицах было немного, но те дроу, что изредка попадались навстречу, достаивали меня недоумённо-презрительными взглядами. Недоумёнными – когда видели моё лицо, презрительными – когда замечали ошейник.

А вот Лоду в знак приветствия уважительно кивали. Похоже, он в столице был персоной известной.

Вскоре улочки стали уже, а особняки и сады меньше, но я бы не сказала, что здешние дроу одевались беднее или выглядели несчастнее тех, что встречались нам в центре. Мужчины, высокие и поджарые, с серебром длинных волос, щеголяли в шелках и бархате. Обворожительные женщины проплывали мимо в платьях, достойных подиумов модных домов.

Похоже, разница между различными социальными слоями была не слишком-то велика.

– Мы приближаемся к окраине? – спросила я.

– Да. Мьёркт – город маленький. Как и остальные города дроу, впрочем... И как тебе?

Я помолчала.

Конечно, презрительные взгляды оставались презрительными взглядами, но кровь улицы не заливала, трупы повсеместно не валялись, а на площадях даже не думали казнить-пытать борцов с тиранией венценосной серой сволочи. Не слишком-то похоже на мрачное пристанище злобных тёмных тварей.

Просто красивый город.

– Впечатляет, – наконец сформулировала я.

– Весьма дипломатичный ответ. – Колдун указал на узкий боковой проулочек. – Сюда.

Когда мы покинули город, я попыталась неумело присвистнуть. Моему взгляду предстала отвесная каменная стена – свод пещеры, уползавший ввысь и терявшийся во тьме. Наверх вела крутая лестница, вырубленная прямо в камне.

– Нам туда? – оценив высоту подъёма, содрогнулась я.

– Это единственный путь из столицы, на котором нет ловушек. Если подняться по этой лестнице, окажешься в туннеле, который выведет наружу. Выход односторонний: выпускает всех, но не впускает никого.

– Опять охранные чары?

– Да. Только на этот раз даже моё приглашение не поможет. А светлым, желающим попасть сюда, придётся долго блуждать по запутанным туннелям и разбираться с ловушками дроу. Смертельными. Да и моими ловушками, только уже магическими... вот они не всегда смертельны. – Лод усмехнулся. – Какие-то из них то и дело срабатывают.

– И какая часть из них *не* смертельна?

– Меньшая. – Колдун внезапно взял меня за плечи и, бесцеремонно прижав к себе, заставил уткнуться лбом в его плечо. – Держись.

Очки врезались в переносицу. От него пахло мягко, прохладно и немного горько. Я угадала нотки полыни, можжевельника и почему-то – снежной свежести.

А ещё – запах книг.

– Что...

Но тут в висках заломило, земля ушла из-под ног, и темнота закружилась неясным

маревом форм и звуков. Я судорожно вцепилась в Лода, а мир вращался бешеной каруселью, и холодный ветер трепал мои волосы, пока мы летели куда-то...

...а потом – мягко приземлились.

Первое, что я сделала, – решительно оттолкнула колдуна. Потому что его руки на моей спине, казалось, жгли кожу даже сквозь тонкую ткань рубашки.

Второе, что я сделала – поправила очки и огляделась.

Мы стояли на горном утёсе. Сапоги утопали в ковре густой травы, низкорослых стелющихся кустарничков и странных пушистых колосков на тонких стеблях, достающих до колена. Впереди раскинулась Риджия: ленточки рек, серебряных в свете луны, зеркальца озёр, леса и поля, купающиеся в серебристо-сапфирной мгле летней ночи. Вдали – скопище огней. Должно быть, это и есть Тьядри? Тот город, из которого приехала Криста...

И видимо, друу даже под горами не изменили своим привычкам. Бодрствовать в то время, когда эльфы и люди спят.

Влево и вправо тянулась горная гряда. В свете неполной луны – картинно яркой и большой – я видела, что хребты внизу лесистые, но лысеют по мере возвышения. Обернувшись, узрела уползающую ввысь громаду горы со снежной шапкой на далёкой вершине.

Вся эта картинка была до того красивой, что казалась нереальной.

– Взбираться наверх по лестнице вышло бы слишком долго, – пояснил Лод, – так что я решил сократить дорогу.

Я кивнула, поёжившись. Из-за прохладного ветра обнажённые руки тут же покрылись мурашками.

Небо. Воздух. Луна. Надо же – до этого момента я даже не понимала, что мне их не хватает.

Значит, вот она, Риджия. И долгожданная свобода. Прямо под ногами. Так близко, что рукой подать.

Но тонкая полоска серебра, ласково обвивавшая шею, сковывала меня по рукам и ногам надёжнее, чем десять цепей.

– Я же обещал вывести тебя из-под гор. – Колдун снял куртку и накинул мне на плечи. Подобная забота удивила, но под нагретой кожей, надёжно защищавшей от ветра, мигом стало теплее. – А ещё... здесь нас никто не услышит.

И тут происходящее резко мне разонравилось.

– А о чём мы собираемся говорить? – по возможности невозмутимо спросила я.

Лод улыбнулся. Лунный свет был таким ярким, что его лицо виделось отчётливо, словно при свечах.

– Вы с Кристой так и намерены скрывать, кто она на самом деле?

Сердце пропустило удар.

Знал. Конечно же, знал.

При его интеллекте – глупо было полагать, что не знал.

– И давно вы?... – голос невольно окрасился хрипотцой.

– В первый же день. После ваших перешёптываний на лестнице. Если ты осведомлён о ситуации при эльфийском дворе – не догадаться, кто такие Дэн и Фаник, довольно трудно. – Лод, нагнувшись, сорвал один из колосков под ногами. – Девушка из другого мира по имени Криста? Тут нетрудно свести концы с концами.

– А Повелитель... Альянэл...

– Он не знает. Внешность у Кристи вполне обыденная для полукровки с помесью эльфийской и человеческой крови. Кристаэль – довольно распространённое имя. Что именно она кричала в темнице, Алья не слышал, что она из другого мира, я не сказал. – Лод провёл по губам кончиком колоса, серым и пушистым, похожим на крохотный беличий хвостик. – Нам доносили, что возлюбленная принца выехала из столицы. Потом сообщили, что принц Дэнимон тоже покинул город, причём в сопровождении одного лишь приятеля-колдуна. А уже вчера принца и его спутника заметили в Тьядри... Я опасался, что тут Алья смекнёт, ради кого он мог так спешить. Но, к счастью, не смекнул.

Я смотрела, как серый пух скользит по его губам: полным, чувственным, с чёткой треугольной ямочкой наверху и усмешкой, спрятанной в левом уголке рта.

– Почему вы это делаете? Почему не сказали своему Повелителю правду?

– Мне интересно. – Лод пожал плечами. – Перед тем как вернуть девушку Алье, мне придётся объяснить, кто она, но пока... любопытно наблюдать, как вы ищете возможность сбежать.

Я только кивнула.

То, что он знает и это, уже казалось само собой разумеющимся.

– Вы поэтому показали мне всё, что я хотела увидеть?

– Конечно. Как ты могла убедиться, даже если бы вы раздобыли кольца, выбраться из дворца практически нереально. Ты ведь догадалась о них? – Лод вскинул ладонь с кольцом на уровень глаз. – Конечно, догадалась, ведь ты так умна. И перерыла все книги в шкафу... только вот того, что тебе нужно, там нет. Но я и так скажу тебе то, что ты хочешь знать.

Я плотнее закуталась в куртку колдуна.

Меня знобило – и не от холода.

– И что же, по-вашему, я хочу знать?

– Колец два: у меня и у Алья. Их невозможно украсть. Либо владелец отдаёт тебе кольцо по доброй воле, либо ты снимаешь кольцо с его трупа... или отрубает палец вместе с ним, – добавил Лод. – Даже если вы заполучите одно кольцо, с помощью второго по-прежнему можно будет вами управлять. И призвать обратно откуда бы то ни было. Единственный выход – быстро снять ошейники... да, это с одним кольцом сделать можно. Только вот тех, на ком есть ошейник, кольцо слушать не будет. Его должен надеть на палец свободный дроу или маг, и только он сможет отдать ошейникам приказ разомкнуться. Ни эльф, ни полукровка вам не поможет. – Он зажал колос уголком губ, не сводя с меня взгляда, мягкого, прозрачного и холодного, как воздух вокруг. – А теперь обсудим ваш план побега. Вначале ты должна обезвредить меня. Потом добиться от меня разрешения на выход из дворца. Затем отрубить мне палец... или уж сразу руку. Или снять кольцо с моего трупа, зависит от твоей решимости. После чего вы с Кристой убегаете. Если я успеваю поднять тревогу, то по дороге вы отбиваетесь от тех дроу, которые немедленно сбегутся к моей башне во главе с Алей. Если не успеваю – благополучно выбираетесь из города, а потом долго карабкаетесь по той лестнице, что я тебе показал, и оказываетесь в горах. Неподалёку от этого места, где-то там, – изящным, чётко выверенным жестом Лод махнул колоском в нужном направлении. – Затем вы спускаетесь с горы и пешком добираетесь до Тьядри. Думаю, это займёт у вас ещё приблизительно сутки... а дальше ищете человеческого мага, отдаёте ему кольцо, объясняете, что нужно делать, и вас обоих благополучно освобождают.

– Отличный план, – одобрила я. – Мне нравится.

Конечно, я дерзила. А что ещё мне оставалось делать?

Лучше уж дерзить, чем выказать свою беспомощность.

– Если бы меня при этом не калечили, я бы с тобой согласился. Только вот есть одно маленькое «но»: мы видимся с Альей и Морти каждый день. Если однажды утром я не дам о себе знать, они забеспокоятся и придут сами. Найдут меня с отрубленным пальцем, а вас не окажется в башне... Нетрудно будет догадаться, что к чему. За это время до Тьядри вы не доберётесь, и с помощью кольца Алья вернёт вас во дворец. На этом ваш побег бесславно проваливается.

– Но попытка ведь не пытка, – весело возразила я. – Криста скажет, кто она такая, и ей ничего не сделают. Живая она ценнее мёртвой.

– Возможно. – Колдун склонил голову набок. – Только вот ты для Алья никакой ценности не представляешь.

– И за попытку побега он убьёт меня на месте?

– Просто побег – одно. А моё изувечение и попытка украсть игрушку, на которую он положил глаз, – другое. – Лод отшвырнул колосок в сторону. – Да, Алья тебя убьёт. И даже мои уговоры о пощаде не помогут... хотя вряд ли я буду так уж хорошо относиться к тому, кто отрезал мне палец.

– А вам не всё ли равно, умру я или нет?

Это был риторический вопрос. Данным разговором колдун только что подтвердил, что я для него – кукла, с которой интересно играть. Конечно, жаль будет её выбрасывать, но у игрушек ведь нет души. Следовательно, моя смерть вызовет у него лишь лёгкое сожаление по поводу того, что мы больше никогда не сыграем в шахматы.

Наверное, так же к своим пленникам относился Ильхт...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Факультет вычислительной математики и кибернетики.

«Left in space» (*англ.*) – «Покинутые в космосе».

Я же говорил. Она из другого мира (*риджийск.*).

Я понял. Выруби её (*риджийск.*).

Начало шахматной партии, при котором первый ход делают не королевской пешкой.

Выпустите меня! Вы об этом пожалеете (*риджийск.*).

Мой жених – принц эльфов Дэнимон, и он обязательно найдёт меня! И тогда вы пожалеете, что на свет родились! (*риджийск.*)

Так-так, кто у нас здесь. Я – Альянэл из рода Бллойвут, Повелитель дроу (*риджийск.*).

Ошейник даёт мне полную власть над вами. Красивая девочка... А знаешь, я могу приказать тебе всё, что угодно, и славно с тобой позабавиться (*риджийск.*).

Хватит, Алья. Они мои. Ты обещал (*риджийск.*).

Ладно, забирай их. Но светловолосую вернёшь через неделю (*риджийск.*).

Как пожелаешь (*риджийск.*).

Шахматная партия, разыгранная в Лондоне в 1851 году между Адольфом Андерсеном и Лионелем Кизерицким.

Один из романов Голсуорси, составляющих серию «Сага о Форсайтах».

Окружение (военный термин).